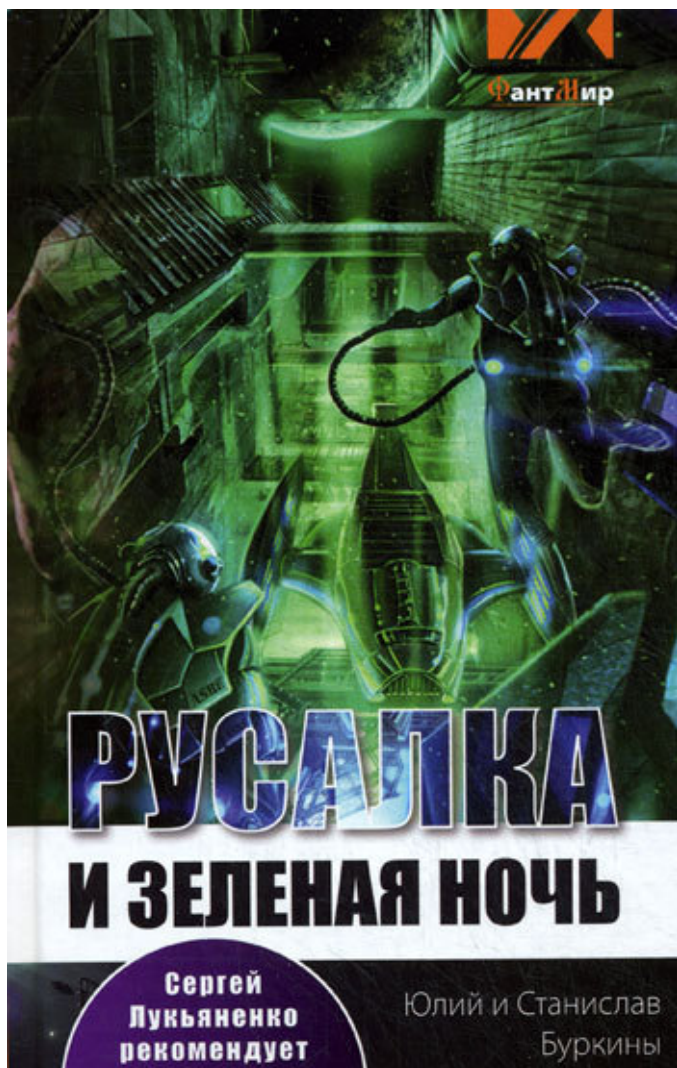

ФантАзим

РУСАЛКА И ЗЕЛЕНАЯ НОЧЬ

Сергей
Лукьяненко
рекомендует

Юлий и Станислав
Буркины

**Станислав Буркин
Юлий Сергеевич Буркин
Русалка и зеленая ночь**

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624785
Русалка и зеленая ночь: Экслибрис; М.: 2011
ISBN 978-5-4290-0009-1

Аннотация

Когда-то Юлий Буркин и Сергей Лукьяненко в соавторстве написали полюбившуюся многим трилогию «Остров Русь», главными героями которой стали сыновья Юлия — Костя и Стас. Прошло время, и Стас (Станислав) сам стремительно ворвался в литературу: в декабре 2007 года он получил национальную литературную премию «Дебют» за роман «Фавн на берегу Томи». Книгу, которую вы держите в руках и в которой странным образом переплелись жанры космооперы и мистического триллера, написали вместе эти два очень разных, но вполне состоявшихся писателя — Юлий и Станислав Буркины. Наверное, как раз полное несходство их творческих методов делает этот роман таким взрывным и скандальным, а юмор колеблется от тонкого до казарменного.

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	9
3	13
4	17
5	22
6	26
Глава вторая	30
1	30
2	35
3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Станислав Буркин, Юлий Буркин

Русалка и зеленая ночь

Глава первая НА ОРБИТЕ

1

*Жаба всем сердцем хочет
попробовать лебединого мяса.
Китайская пословица*

Я – Даниил Сакулин, космический мусорщик. Звучит неаппетитно, но занятие моё вовсе не зазорно. На самом деле работа довольно чистая и требует, к тому же, основательной квалификации. Первые поколения атомных транспортеров, не мудрствуя лукаво, выбрасывали контейнеры с мусором прямо в открытый космос, и многие из них до сих пор болтаются там, издавая, чтобы никто в них не вписался, слабый сигнал. Вот эти-то подарочки мы и собираем. Слава богу, сейчас отходы научились утилизировать с помощью специальной кислоты: пять недель, и от десяти тонн мусора остается только облачко газа... Не все смогут понять, но мы даже гордимся своей работой. Впрочем, её важности есть очень весомое подтверждение: нас курирует сам вечно юный государь-император.

Кстати, моей альтернативой службе в космосе осталось длиться всего два года. А потом – дембель! ДМБ! Домой – к еще более любимому делу!.. По образованию я – подводный археолог. Не так-то просто получить такое образование, если ты вырос в приюте, и не то, что не получаешь помощи родителей, но даже не знаешь, кто они. Когда я явился военкомат, мне пообещали, что я буду служить на подводной лодке... Но – увы. Океан – он ведь такой маленький, на всех желающих не хватает. А космос, он, вон какой бесконечный. Хотя, в принципе, я сейчас работаю почти по специальности: в плане условий труда между космосом и океаном много общего.

Уборкой мусора занимаются не только такие служивые, как я, но и вольнонаемные спецы-контрактники. Работа хоть и сложная, но думать особенно не приходится: всё, как у хирургов, держится на навыке, каждое движение отточено до блеска. Знаешь свое дело – живи спокойно и не переживай. Профессионализму переживания противопоказаны. А посему, руками делая свое дело в эфире, душой и разумом я свободен и часто обращаюсь к небесам иным – к горнему. Иногда и стихи пописываю:

... Дремлю, а за дремотой тайна,
В той тайне почивает Русь,
Над коей я необычайно,
Как белка в вакууме верчусь...

... – Ты что там, уснул, сукин сын! – ударил по ушам голос из рации. Молодой человек в кабине оператора-погрузчика вздрогнул, очнулся и судорожно схватился за рычаги. – Стрелу сюда давай, крановщик хренов!

Старый, желто-синий утилизатор «Хамелеон-МП» висел перед относительно небольшим цилиндрическим контейнером, когда-то брошенным на орбите. Под Данииловым кос-

мическим грузовиком в голубой дымке медленно проплывал Тихий океан. Белыми неподвижными вихрями на его темном фоне застыли антициклоны.

Даня с хрустом перевел тугой рычаг с чугунным набалдашником на себя, механизмы закрипели, и весь корабль издал такой звук, будто тронулся только что соединённый железнодорожный состав. Желтое щупальце на гидравлических суставах потянулось к десятитонной космической бочке... После стыковки по находке прополз луч прожектора и замер в том месте, где на заводе чеканят серийный номер, тоннаж и фирменный знак производителя.

Створки дверей расплзлись, как бомболюк. Несколько пустолазов в грязно-оранжевых скафандрах и с крюками-карабинами в руках зафиксировали болванку точно по центру приемной шахты. Тросы натянулись, и в туннеле замигали габаритно-сопроводительные огни. Оператор нажал на педаль, желтое щупальце разжалось, и контейнер вполз в темное чрево «Хамелеона». Вновь случился легкий толчок, вместе с ним послышался глухой удар, и оранжевый пустолаз короткими и быстрыми взмахами черной перчатки дал знак оператору задраить люк.

— Что ж, посмотрим... — пробормотал Даниил, расстегивая ремни безопасности и покидая рабочее место. Впрочем, особого ажиотажа он не испытывал: ничего хорошего предки в космос не выбрасывали.

Ловко, как крот по знакомой норе, Даня перебрался через узкий ход в просторный шлюзовой отсек. Там уже было полно неприглядных похмельных пролетариев. Они, не спеша, кувыркались в невесомости, лениво, но четко облакаясь в рабочее снаряжение — теплые комбинезоны с декомпрессорами, ватные спецовки, оранжевые жилеты и пластмассовые белые каски с фонарями.

— Только бы не органика, — припоминая что-то недавнее, тоскливо поморщился пожилой рабочий, по виду — отъявленный чифирист. Вооружившись сумкой с инструментами и прицепив к поясу массивную дрель, он принялся разминать пальцы в грубых перчатках.

— А ну, пошли! Вперед, славяне херовы! — прохрипел кто-то командирским голосом. Несколько рук повернули колесо замка, люк зашипел, это сработала гидравлика, и из приемной шахты в тамбурный отсек повалил пар. Бригада небритых мусорщиков напялила темные рылоподобные респираторы и, не спеша, переплыла в зарешеченный лифт. Кто-то нажал кнопку болтающегося на кабеле пульта, кабина дернулась и с постукиванием поползла вниз.

Когда клеть с ударом остановилась, команда разом приземлилась на пятки и на мгновение притихла, разглядывая подобранный объект. Белый кокон был явно зарубежного производства, отчего казался новее, чем современный российский корабль. Хотя, судя по конструкции, контейнеру было лет тридцать.

— Умеют, суки... — нарушил паузу кто-то.

— Пошли, болезные! — рявкнул бригадир. Один из спецов выскочил вперед и сунул свою дрель в замок люка. Раздалось жужжание, и посыпались искры. Приостановившись, умелец вынул сверло из замка и вставил на его место тротилковую шашку. Полыхнула небольшая, словно магниевая, вспышка, в сторону отлетело облачко дыма, и взрывник, кувыркаясь, как обезьяна в замедленной съемке, отлетел в сторону. К люку подступили матерые пустолазы с массивными ломami.

Отточенными до автоматизма движениями двое детей вставили свои инструменты в отверстия по бокам, уперлись ногами в потолок приемной шахты и кивнули друг другу — «три, четыре!» Их лица побагровели от напряжения... «Хрясь!» — и шкатулочка отворилась...

— Готов, паскуда! — радостно констатировал бригадир. — Обойдемся без автогена! А то, как заварят, хоть взрывай. Будто сокровища какие спрятали.

— Это военные заваривали, — пробормотал грамотный Даниил. — У них инструкция такая была...

Космические мусорщики, не спеша, как шахтеры в штольню, полезли в узкий люк.

– Кабель давай! – раздалось изнутри. – У-у... Темно, как у негра в утробе. Вот так, хорошо. Ух, ты! Чистота-то какая! Да тут просто гробница Тутанхамона. А я уж боялся, что опять праотцы говна своего для нас припрятали.

– Что там?! – раздался снаружи голос бригадира.

– Могильник это, кажись. В морг звони!

Команда протиснулась в оцинкованный склеп и, как стая рыб, жмущихся к стенке аквариума, облепила матовую стеклянную гробницу. Фонари не пробивали мутного стекла, и мужики, вглядываясь, без толку шоркали перчатками по поверхности. Даниил, чувствуя во всем теле какую-то странную истому, прищурился и прильнул к белесому стеклу плотнее остальных.

– Видишь чего? – спросил молодого крановщика толстяк-бригадир. В респираторе он был совсем как боров.

Юноша только пожал плечами.

– А! Была, не была! – взмахнул здоровяк газовым ключом. Даниил едва успел отстраниться, когда зажатая в грязной рукавице железяка пробила крышку капсулы. С хрустом, будто корочка льда, проломилось мутное стекло, несколько жадных рук вмиг разодрали стеклопакет, и после секунды замороженного молчания кто-то хрипло воскликнул:

– Баба!

– Свежемороженая! – подхватили мужики в один голос.

– Хороший день!

– Небось у ней зараза какая-нибудь...

– А я ее, через комбез! Нравится, не нравится – спи моя красавица!

– Не, на заразу не похоже. Глянь, какая сочная, налитая...

– Кожа персиковая, – промямлил один работяга и, смачно втянув слюну, принялся пристраивать свои грязные верхонки к маленькой аккуратной груди.

«Ей лет семнадцать, не больше, – сознательно отстраняясь от окружающей грубости, подумал молодой крановщик. Тем более что он точно знал, что все это – не более чем бахвальство. В случае обнаружения космического захоронения с борта станции немедленно вызывается работник морга. Пролетарии не посмеют нарушить инструкцию: если тому что-то покажется подозрительным, тюрьмы не миновать. – Самоубийство? – продолжал думать Даниил. – Начиталась Достоевского? А может быть, несчастная любовь? Ведь это бывает, бывает...»

– Сбоку ее бери, сбоку!

– Смотри-ка, какая гибкая! Не окоченела еще!

– Молодцы, кто хоронил: вовремя консервант впрыснули.

– Вы с ней поосторожней, – раздался голос бригадира. – Я уже моржиху вызвал...

Невесомая покойница порхала между суетливыми мусорщиками, как спящая русалка, – безразлично и медленно. Словно зачарованный, Даниил ничего не слышал, внимание его было полностью поглощено таинственной незнакомкой из прошлого. Он замер чуть поодаль от места действия, и оранжевые спецовки лишь на короткие мгновения приоткрывали ему видение.

Вот он увидел, как из-за грязного жилета мелькнула спина и нога, созданная из блеска и застывшего трепета. А вот и лицо – безразличное и сонно-страстное, с пением вторгающееся в самую душу. Скрылась, появилась снова – и теперь она опрокинута на спину, а упругие подростковые перси ее, матовые, как фарфор, просвечивают в слепящем электричестве.

Под воздействием наваждения разум Даниила помутился, жар скользнул по его вискам, и звуков вокруг не стало вовсе, будто уши заложило пробками. И как в замедленном действии он увидел свою руку, тянущуюся к раскрытому перед ним лоснящемуся боку руса-

лочки. Но только он коснулся видения, как, словно взрывная волна, до него докатились крики окружающих:

– Говорю, как живая! А она твоя бабка, небось. Так что тебе, это... Ха-ха! Не положено.

– Ну-ка, дай сюда! Я ее за здесь потрогаю.

«А она ведь такая чистая. Ей все-таки лет шестнадцать даже, а не семнадцать», – все так же мечтательно думал Даниил Сакулин в тот момент, когда свет вырубился, и, перекрывая балаган пустолазов, снаружи ворвался грубый женский голос:

– А ну выметайтесь отсюда, маньяки чертовы! Я вам покажу свежатины! Всех на ами-назин посажу!

– Ребя, атас! Моржиха!

– Да что ты, бабуса?! – ринулись мужчины к выходу, по опыту зная, что это не пустая угроза. – Мы ж ничего такого! Мы тут случайно задержались...

Кто-то, выбираясь, в спешке пихнул робкого крановщика локтем, и тот, поскользнувшись, отлетел прямехонько под саркофаг. Потом кто-то другой о него запнулся, и у Даниила слетели очки. Он все еще беспомощно шарил руками в темноте и невесомости, когда в него уперся луч фонарика.

– А тебе, дохлый, что, отдельное приглашение надо? Пшел вон отсюда, извращенец!

Даниил поймал, наконец, очки, щурясь, надел их и, прикрываясь от слепящего света ладонью, стал выбираться, обходя угрожающе массивную фигуру женщины.

– Ладно, погодь, – услышал он вдруг на тон ниже. – Погоди, говорю, – как бы сама себе уже, бормотала тётка, заботливо укладывая тело потревоженной покойницы обратно в саркофаг. Молодой человек обернулся и робко замер у люка.

Руки девушки в свете фонарика были бледно-синеватыми, а черты лица при таком освещении разобрать толком было невозможно. Но маленькое, откинутае, с приоткрытым ртом, оно все равно казалось сказочно аккуратным и совсем еще детским. Волосы покойницы были опрятно собраны под тонкой шапочкой – то ли хирургической, то ли для душа.

Невольный эротический спазм заставил смущенный взгляд Сакулина покинуть освещенные фонариком подробности тела девушки, но в то же время, сам того не желая, он, как бы вскользь, продолжал четко фиксировать их.

– Помогите мне, – требовательно сказала моржиха, бросив на покойницу скомканное покрывало и подавая Даниилу фонарь. Молодой человек растерянно замер.

– Оглох, что ли?! – рявкнула женщина.

– Я-я-я... Не-не-не... – замямлил тот, заикаясь, ведь волновался он сейчас, возможно, больше, чем еще когда-либо в жизни.

– Свет поддержи, говорю! – не дождавшись вразумительного ответа, ткнула женщина его в бок фонарем. – На!

Даниил схватил его, луч неуклюже подергался по стенам, проехался по нагой фигуре и замер на расправляемом женщиной сером полотне.

– Ух, зверье, набросились на девочку, – посетовала «моржиха», словно ребенка, пеленая покойницу. – Бедняжка моя сероглазая...

«Сероглазая...» – отметил Даниил, и луч фонарика машинально переполз на лицо. Очи под длинными, как стрелы, ресницами были полуоткрыты, и были они действительно светло-серыми и безразличными, как у прекрасных утопленниц в романтических кинодрамах.

– Чтоб тебя!.. – резко начала женщина, но парень уже опомнился и вернул свет на место. Потому закончила она мягко: – ...разорвало.

Жалость и какое-то странное робкое волнение, неведомое ему ранее, овладели крановщиком Сакулиным. «О, если бы я мог знать о тебе хоть что-нибудь, мое видение, – подумал молодой мусорщик, желая еще хоть разок невинным движением осветить черты покойницы,

но страшась гнева суровой моржихи. – Может быть, ты стала бы моим ангелом-хранителем?»

Женщина тем временем умело обматывала завернутое в одеяло тело скотчем, чтобы было удобнее нести.

– Все. Бери, малохолный. Чего задумался?

2

*Взволнованный человек – все равно
что оторвавшаяся от причала лодка.*
Китайская пословица

Смена закончена. Молодой мечтатель-крановщик в своей каюте. Он висит перед слоненым стеклом иллюминатора, любуясь на свое прозрачное отражение в нем на фоне яркого голубого силуэта Земли. Но любитесь он лишь глазами, мысли же его – далеко. Русалочье наваждение, поглотившее Даниила во время работы, до времени отпустило его, и он, свободно болтаясь в пустоте, еще более свободно витает теперь в пространстве философском.

... Быть первыми в освоении необъятного космоса русским предопределил Божественный промысел. Понятие «космос» всегда было метафизическим и мистическим. А в основе всякой метафизики, как и всякой мистики, лежит тоска по чему-то большому. «Сны о чём-то большем», – пел когда-то гордый мистик XX века Борис Гребенщиков...

Тоска о космосе – вот что лежит в основе русской духовности. «Я отдал бы все, чтобы только быть печальным на русский лад», – сказал Ницше. Понятие необъятности пришло в наше самосознание задолго до утверждения территориальных границ. Даже наоборот: неоправданное здравым смыслом собирательство нищих земель явилось как раз побочным отображением этой древней тяги славянской души к бесконечности.

Если бы я был Владимиром Соловьевым, я бы сказал об этой тоске стихами. Что-нибудь вроде:

Земля и солнце, и луна,
Созвездий ярких тишина
И синей тверди глубина —
Все это лишь отображенье,

Лишь тень таинственных красот,
Того, что к космосу влечет, —
Родного духа. В нем живет
К святой бескрайности влеченье...

Размером и формой шестигранная каюта более всего напоминала ячейку пчелиных сот, а обустройством и захламленностью – старый чулан. Только вещи и книги не лежали здесь грудями на полу, а хаотично плавали от стены к стене или были аккуратно пристегнуты к ним ремешками.

... Корабль пристыковался к базовой станции «Русь», на которой, как трамваи в парке, собирались после восьмичасового трудового дня все мусорные утилизаторы данного сектора. Несколько раньше крановщик получил электронное приглашение посетить стационарный бар и мечтал поскорее выбраться из своей грязной сине-желтой махины. Но теперь вдруг задумался, стоит ли. Здесь так уютно и безопасно...

«Впрочем, если не пойдешь, потом наверняка пожалеешь, – подумал Даниил. – Ведь там будут друзья из Народного театра, и они будут говорить о чем-нибудь интересном или даже обсуждать какой-нибудь грандиозный план, в который, если не появиться вовремя, меня наверняка забудут включить...» Мечтатель вздохнул, в последний раз окинул взглядом свое холостяцкое убежище и покинул его.

* * *

Уже за порогом, обозначавшим границу помещения клуба, было полно народу, темно, накурено и омерзительно злочно. Даниил явственно ощутил раскаяние за то, что не внял праведному внутреннему голосу и поддался тщеславным страстям. Он, пожалуй, даже вернулся бы домой, если бы не давила жаба: из-за центробежной гравитации вход сюда был платный и недешевый. Отдать деньги и отправиться восвояси – на это у Дани бескорыстия не хватило.

Кстати сказать, от внезапного обретения тяжести мутит не меньше, чем от внезапной невесомости. Редко кто легко переносит этот переход, потому в фойе клуба перильца вдоль стены вели в специально оборудованную адаптационную. Цепляясь за них и сдерживая желудочные спазмы, Даниил добрел до стоящих рядками пластиковых кресел, нашел свободное и неловко рухнул в него.

Иногда ему удавалось привыкнуть тут к своему весу без особых неприятностей. Но редко. Всегда находился кто-то, кто начинал блевать первым, и эту тенденцию с неотвратимостью цепной реакции тут же подхватывали остальные. Попытаться противиться ей было просто бессмысленно. Так же случилось и в этот раз.

... Покинув адаптационную, Даниил умыл в уборной руки, лицо и шею, обтерся десятком бумажных полотенец, и с невозмутимым видом двинулся на звук, в мерцающий мрак и блеск пляшущей толпы.

В танцзале стоял такой грохот, что невозможно было разобрать не только мелодии, но даже стиля музыки. Один угнетающий душу металлический ритм, как в машинном отделении корабля или в старой типографии. Но что подделаешь, здесь на базовой станции «Русь», просить пролетариев «сделать потише» было, мягко говоря, не принято. Как здесь выражались, «череповато». То есть – чревато последствиями.

Сакулин добрался до бара, и тут кто-то крепко ухватил его за плечо и втянул в мужскую компанию, гурьбой стоявшую вокруг стола вишневого цвета. Это были рабочие из его бригады.

– Здравствуйте, братья-товарищи, – не ожидая ничего хорошего, поклонился Даня.

– И ты будь здоров, – без лишних красот ответил ему бригадир, пододвинул к нему кружку пенного пива и приказал: – Пей.

Спорить не стоило. Даниил покорно и надолго приник к кружке. Он хотел использовать этот момент для разработки дальнейшего плана действий, но, как назло, ничего подходящего в голову не приходило. Выхлебав половину, Даниил, наконец, выпрямился и обнаружил, что к нему приковано всеобщее внимание. Он вытер губы и выкрикнул первое попавшееся:

– Хороший денек!

– Это почему? – подозрительно спросил бригадир.

– Как это? Какую русалочку нашли!

– А-а, – кивнул бригадир, – ну да, повеселились...

Тут же, наперебой, загомонили остальные:

– Эт-точно!

– Правду говоришь!

– Уж воля Божия так положила... – сказал совсем уже хмельной мусорщик Ваня. – Чего Бог дал, того не переменишь.

Все примолкли.

– Славное тут место все-таки, – грустно покивал бригадир, глядя на поверхность стола. – Не зря «Вишневый сад» называется. – Потом вздохнул и, как бы удовлетворенный

прелюдией, обратился к Даниилу прямо: – А теперь и ты угости нас, добрый молодец. А то душе плакать не на чем.

– Зачем же плакать-то? – робко начал Даниил, но, встретив суровые и подозрительные взгляды, немедленно согласился: – Впрочем, чего в себе держать, когда друзья на свете имеются.

– Хорошо говоришь, – покивал один мусорщик и разом допил свою кружку пива.

... Через пятнадцать минут, после шестой, Сакулин, робея, решил попытаться откланяться:

– Я, пожалуй, пойду, друзья-товарищи...

– Посиди еще. Куда торопишься?

– Отпустите меня, ребята, – взмолился пленник, – пожалуйста. На что я вам?

Вдруг кто-то заплакал и сказал в сердцах:

– И впрямь, на что он нам? Ведь он же ж и сирота. Пускай идет, куда хочет.

– О, боже ж мой, боже! – подхватил кто-то другой истерически. – Отпустите его! Пусть себе идет!

Так уж заведено, что русские рабочие космоса, как напьются, непременно начинают целоваться и плакать. Вскоре вся компания стиснулась покрепче. «Иди сюда, Эдуард, Эдичка, обниму я тебя...» «Не плачь, ей богу, не плачь! Что ж тут на орбите поделаешь...» «Бог-то знает, Борис, как и что в космосе творится. Коли Он так установил, так и будет...»

Воспользовавшись всеобщей сумятицей, Даниил соскользнул под стол, на четвереньках пробрался под ним, поднялся и нырнул через толпу к выходу. Он окончательно решил, что сегодня не его день и слушаться жабу больше не стоит. Но у крайнего столика его окликнули вновь, и на этот раз он не испугался. Потому что сразу узнал голос Машеньки.

– Здравствуйте, Мария Владимировна! – запыхавшись, но как мог приветливее, поздоровался Даня с доброй и очень симпатичной ему девушкой из театрального коллектива.

– Приветик, – сказала та и поцеловала его в потную щеку. – Уведите же меня отсюда.

– Пойдемте, пойдемте. Я как раз уже собирался.

Они выбрались из клуба, и Даниил предложил покинуть зону гравитации, надеясь затащить даму в свою постель. Но Машенька потянула его в сторону.

– О, нет. Давайте погуляем здесь, – сказала она тихо. – Расскажите мне, Даня, что-нибудь.

Центральная часть базы, в которой они находились, считалась общественной зоной, и кроме ночного клуба, кинотеатра, баров и ларьков здесь имелись облюбованные парочками и одиночными праздными романтиками машинные секции. То есть, на самом деле это были технические помещения с гудящими генераторами, трубами и табличками «Опасно для жизни», но при желании тут можно было надеяться на относительную тишину и еще более относительное уединение. Здесь-то Даниил с Машенькой и гуляли до полуночи, пока их тихую беседу не омрачила довольно неприятная тема.

– Ах, если б вы только знали, что я сегодня пережил, – начал, было, Даниил о своем досадном утреннем происшествии.

– А я все про вас и так знаю! – вдруг, отвернувшись, резко сказала Маша.

– И что же это? – сконфузился Даня.

– А все! Как вы с покойницею развлекались, – вдруг выпалила Машенька. – Про вас вся база сегодня треплется. Как вы всех выгнали и один с ней в контейнере заперлись.

– Боже мой! Боже! – дивясь услышанному, схватился за голову Даниил. – Какая напраслина! Какая ложь!

– А вы теперь не оправдывайтесь, – обиженно мотнула головой девушка в модных раскосых очках с розовой оправой. – Что было, то было. Да и какое мне дело до этого? Ведь это так омерзительно.

- Мария, Маша, Машенька! Это было минутное наваждение, не более...
 - Не будем об этом, – сухо отрезала спутница.
 - Вы правы, – согласился Даниил. – Давайте я лучше вам свои стихи почитаю.
- Она одобритительно кивнула, он тут же прокашлялся и начал:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...

- Это же Блок, – удивилась девушка.
- Извините, – сконфузился Даня.

В тени под транзисторной нишей, на груде старых кабелей и промасленного тряпья лежали два электрика с Даниилова утилизатора. Один из них, что поздоровее – широко раскинувшись, другой – головой на его плече, положив руку на оранжевую грудь товарища. Полоса бледного света пересекала часть этой груди, руку и освещала небритые челюсти влюбленных. Они молча наблюдали из тьмы за гуляющими по мостику.

Вот появились парень с девушкой. Оба рыжие, оба – в очках. Он – худой, с мягкой копной кудрявых волос, она – скромная, но ярко одетая «отличница». Он взмахивал перед ней руками, с выражением что-то декламируя, а она – то на мгновение покорно обращалась туда, куда указывала ей пятерня кавалера, то возвращала взгляд на его лицо.

– Слышал сегодня про девку-то мертвую? – спросил товарища раскинувшийся на кабелях, как на сеновале, электрик. – Как он ее, а?

– Он парень шалый, – отозвался тот.

– Мы все тут, я думаю, шалые... – согласно покивал электрик.

Воздушный мостик опустел, во тьме под транзисторами, кажется, стало еще мрачнее, и электрик закончил мысль:

... – Я думаю, сам Космос – шалый.

3

Если у женщины нет таланта – это уже добродетель.
Китайская пословица

Она считала, что познала цену всему, и потому дорожила достигнутым. В космосе, чтобы пробиться, надо быть на хорошем счету. Да и на Земле она прекрасно училась вовсе не из абстрактной тяги к знаниям, а потому что мечтала хорошо устроиться, хорошо зарабатывать, а после пятидесяти получать приличную пенсию.

С детства Машенька без напоминания мыла посуду и выполняла все родительские поручения. Она двигалась бесшумно и быстро, и всё в ней – и бледные веснушки, и рост, и голос, и даже совратительно кривые белоснежные зубы – всё-всё было под стать друг другу. Она была эталоном плаксивой пайныки с потаенной эротической начинкой.

И вот, когда на ее трусиках завибрировал будильник, на орбите совершенно неожиданно наступило воскресное утро. Машенька, разминая челюсти, зевнула и, выворачивая руки, как следует, потянулась. Потом сунула ладошки за голову. По праздникам на «Руси» можно было понежиться в постели подольше.

Она висела в пристегнутом к углам комнаты спальном мешке и наблюдала в иллюминатор Землю. На фоне монотонного гудения орбитальной станции отстраненно доносились звуки итальянской оперы – кажется что-то из «Богемы» Пуччини. Свет она не включала, но сияющая в огромном, с велосипедное колесо, проеме голубая планета ярко освещала комнату своим призрачным отраженным сиянием.

«Надо еще немного поспать», – подумала девушка. Рокот станции, Пуччини и чьи-то неясные переругивания действовали на нее, как колыбельная. «Надо поспать», – повторила она про себя и вызвала в воображении дорогие ей образы родного Екатеринбурга.

... Над черным-черным блестящим всеми огнями города слякотным асфальтом громятся тесные небоскребы, заслоняя туманную гущу небес, в которой шныряют по проводам воздушные трамвайчики. Свет в них иной раз мигает, и тогда сверху блещет вспышка, и сыплется стайка искр. «А я плыву, плыву вниз, как маленькая-маленькая точка, – рисовала в своих мыслях Маша, – я теряюсь в потоке, между дымами, между огненными рекламными, меж витринами, машинами и светофорами... Проникаю в блистательный универмаг и в запахах французских духов скольжу на эскалаторе по стеклянной галерее, в сутолоке господ в мехах и шляпах...»

А гул машин остается снаружи, за витринами, где город играет, мигает, переливается, светится, мчится и мерцает. О, электрический рай урбанистического счастья! И для счастья рядом ковыляет ОН... Вдруг мечтательное выражение на лице девушки стало гаснуть, превращаясь в оцепенелую тень улыбки. «Что вы, Машенька! – услышала она внутренним слухом вчерашнее. – Откуда такие мысли? Просто я хочу показать вам свою каюту...» «Я ее уже видела. Разве вы забыли, Даниил? Впрочем, вы тогда были так пьяны, что даже обещали жениться». «Э-э... Разве?! Бо-бо-боже, ну нельзя же так напиваться. Мне, пра-право, неловко...»

Для него я просто смазливая девчонка, не более! Конечно! Он – оператор крана, а я всего лишь какая-то прачка. И даже какая-то древняя покойница – и та лучше меня. За ней ни ухаживать не надо, ни уважать ее. Бери и... Бери и е... Нет! Я не хочу мараться об это гадкое слово! Но зачем, зачем в таком случае, он смотрит на меня ТАКИМИ глазами и зачем тогда читает мне стихи?

Ей было немногим больше двадцати, но она не была еще женщиной ни душой, ни телом. Добросердечные контролерши, скрепя сердце, пропускали ее на просмотр скабрёз-

ных фильмов. У нее был ясный ум и легкий кроткий характер. Впрочем, несмываемый румянец выдавал в ней и скрытную славянскую страстность. Простите за мещанские обороты, но на «Руси» Машенька и впрямь была существом самым чистым.

От воскресших воспоминаний вчерашнего вечера выражение ее лица наполнилось беспомощностью столь совершенной, что оно как бы уже переходило в безмятежность слабости. По-детски приподнятые брови и бессмысленно приоткрытый рот – именно это обнаружила она, увидев свое отражение в иллюминаторе как раз в тот миг, когда ее оцепенение нарушил неожиданный звонок.

Как ошпаренная высвободилась Маша из спальника, кувыркнувшись, нырнула в ванную и принялась приводить себя в порядок. Пока она возилась у туалетного зеркала и чистила зубы, звонок повторился дважды. «Еще чуть-чуть! Ну, подождите же!» – взмолилась про себя отличница. Всё? Нет, еще штришок помады... Так-так, вот теперь – всё! Лицо немного припухшее, но в очках – это даже стильно...

Выпорхнув в закуток прихожей, она уставилась на экран входной видеокамеры. Снаружи, суетливо оглядываясь по сторонам, переминался с ноги на ногу лохматый человек. Не задумываясь, вся открытая для внезапного счастья, Машенька прогнала прочь дверную перегородку.

– Здравствуйте! – мажорно воскликнул висевший перед ней высокий худой, с мешками под глазами, незнакомец. – Меня зовут Вениамин Светлов! – Он был в противном сером, на вате, плаще и мощных берцах. – Мужчина настоящих французских кровей, – продолжал он голосом, каким рекламируют в вагонах метро глупые мелочи или просят подаяние. – Я предлагаю вам себя на весь остаток жизни. Ежедневный завтрак в постель и кофе. Тихая, уравновешенная свекровь. Зарплата от трехсот долларов США и выше. А также в ассортименте имеется толстый, длиною в локоть, фаллос, – держа руки в карманах, он по-экзистенцистски распахнулся. – И, к вашему вниманию, бонус: пачка цветных презервативов с фруктовыми ароматами. Заметьте: совершенно бесплатно!

– А-а, – разочарованно покивала Маша, поняв, что это вовсе не принц на белом коне, а жалкий торговец никчемной судьбой.

– Ко всему прочему, я клянусь... – продолжал коммивояжер-любовник, но Машенька, чуть наклонив голову набок и приветливо улынувшись, нажала на красную кнопку.

– Пойдите же!... – только и успел выкрикнуть бедолага, как дверная перегородка встала на свое место.

* * *

В отличие от римского понтифика, православный патриарх не разрешает создавать на станциях настоящие храмы, ибо Престол, по канонам, должен иметь свое четко определенное место, а не болтаться где-то в космосе. (Тот факт, что все земные Престолы болтаются в космосе вместе с Землей, патриарха ни капли не смущает.) Оттого обедни на «Руси» проходили нерегулярно, во временно приспособленных под часовни помещениях.

Постоянной должности священника в штате нет, тем же, кто готов был работать на договоре, платили по остаточному принципу, вследствие чего время от времени тут объявлялись такие отъявленные проходимцы, что у несчастных прихожан волосы вставали дыбом. Случалось даже «ряженные» – то есть поддельные, самозванные батюшки, имевшие целью лишь скудный, но легкий заработок.

Маша не была религиозна, но в церковные обряды она верила – инстинктивно, без надрыва, как в гороскопы из журналов для девочек. К тому же они давали ей ощущение хоть какой-то поддержки извне, и это помогало выносить беспросветную орбитальную жизнь. В это воскресенье, когда на душе у нее было смутно, как у Катерины из «Грозы», она напра-

вилась в часовню с мыслью, что теперь-то Бог просто обязан сжалиться и послать ей хоть какой-нибудь выигрышный лотерейный билет. Желательно в виде прекрасного благородного мужчины или хотя бы служебного повышения.

Но не тут-то было. «Ах!» – екнуло сердце Машеньки, когда, словно херувима, узрела она на клиросе своего вчерашнего провожатого в золотом стихаре. Даниил висел в луче прожектора вниз головой и гулко барабанил девяностый псалом. Он всегда здесь прислуживал, но по причине природной своей стеснительности редко появлялся перед толпой молящихся. А вот теперь, набриолиненный и блестящий, явился он девушке в образе светлого ангела.

Стены были без росписи, так как часовня была совсем новая и освящена митрополитом в честь страстотерпца Григория Распутина. До ее обустройства на «Руси» было только четыре часовни – в честь благоверного полководца Жукова, святого царя Иоана Грозного, царенаместника Владимира Путина и просто Никиты Михалкова. Ранее пролетарии экологического фронта не особенно активно посещали богослужения. Но после благословения на однополые бракосочетания ряды молящихся на орбите резко пополнились. Когда, наконец, запели «Благослови, душе моя, Господа», народ Божий выдохнул и начал креститься и кланяться.

«Господи Боже, помилуй хотя бы душу ее, Многомилостиве и Всемилоостиве, Боже мой! – молился в темном углу предела Даниил. – Смерть смертию умертвивый! Смилуйся над безымянной покойницею! Услыши глаголы моя, Господи! Ежели Ти, Блаже, надобно, смертию мя умертви, окаянного, но прими душу девицы сей в Царство Твое Небесное. Но да будет воля Твоя и ныне, и присно, яко на Небесех, тако и на земли и в космоси и во веки веков! Аминь».

Обливаясь слезами, Даниил жался за иконой и изредка вздрагивал, как от ударов плеткой. «Чудак юродивый», – подумал очередной новый батюшка, вылетая на проповедь. Схватившись руками за аналой, как лектор за кафедру, он, седобородый и худощавый, повис над амвоном и, осенив себя крестным знамением, молвил:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

– Аминь! – отвечивал народ и шумно подался вперед, чтобы теснее сплотиться возле проповедника, надеясь, что этот оправдает их чаяния.

– Э-э, – сразу сконфузился тот, заметив такое внимание. – Кхе, кхе... Ну, во-первых, братия и сестры... То есть, я хотел сказать, только сестры, – поправился батюшка, и недоумевающие мусорщики украдкой переглянулись. – В смысле, особенно сестры. Так как сегодня мы с вами, как и вся православная Церковь, празднуем день памяти жен-мироносиц. Так что позвольте поздравить вас всех с православным женским днем!

– Спаси Господи, – недобрыми басистыми голосами отозвались мусорщики.

– В этот день наши благочестивые прадеды, – продолжал батюшка, – вспоминали о женщинах.

Внимающие перекрестились.

– Заметьте, не восьмого марта, как делают это магаданские жидомасоны и те же, к примеру, китайцы, а именно в этот день, день строжайшего поста, мы должны поздравлять наших милых сестер и старушек-матушек. Ведь посмотрите, как много они для нас делают. Благодаря им на столах наших случаются яства и пития. А иной раз, – продолжал батюшка, с отстраненным взором рисуя руками некие округлые объемы, – иной раз и бананы. Кстати! – оживился проповедник. – Был я недавно в паломничестве, в Эквадоре. И там один благочестивый инок мне и говорит: «Чего это вы, батюшка, бананы сырыми кушаете? У нас так не принято». Я говорю: «А как же их есть-то?» Он у меня банан выхватил, пожарил, борзо так, и сиропом залил. Вкусно-о получилось – пальчики оближешь!

Батюшка поднес руку к лицу, будто бы перекреститься, но вдруг чмокнул кончики пальцев и растопырил их в воздухе, мечтательно глядя вверх голов.

– «А так, – говорит он мне, – сырыми, и обезьяна есть бананы способна». – Батюшка, нахмурившись и скривив для убедительности губы уголками вниз, покивал, еще раз оценив глубину сказанного, потом вдруг вздохнул и будто бы опомнился. – Так вот, братья и сестры, посмотрите же на наших женщин. Какие-то они у нас блеклые, усталые, с затравленными всё взорами. Бывало, гляжу, плетется такая за мужем, того и гляди в столб впишется или газон потопчет, – проповедник презрительно поморщился. – Ноги – как лапы передние у лошади. Ну, разве ж это женщина? Вот тащится такая и канючит, канючит, так и хочется в нее плюнуть... Ну, купи ты ей эту шоколадку! – вдруг надрывно вскричал он. – Ну возьми ты ее хоть раз, как человека, под руку! Ну, хоть Бога-то побойся, не топчи ты женщину сапогами! Писано же: «Сказал Господь Моисею, сними прежде обувь твою с ног твоих»...

Батюшка выдержал паузу, а потом неожиданно закончил:

– Всё! Аминь! – и народ аж вздрогнул.

– Спаси Господи, – злобно промычали прихожане вслед плывущему в алтарь, не оправдавшему их ожидания, священнику.

– Рцем вси от всея души нашея! – замычал дьякон.

– Господи, помилуй, – высоко, до писклявости, пропели матушки на клиросе.

Прорывавший полслужбы Даниил очнулся, высморкался, снял и протер очки. «Господи, как это прекрасно все-таки, – подумал он, швыряя носом, – стоять пред Тобою со святыми Твоими, идеже празднующих глас непрестанный». Красиво молиться чувствительный мусорщик научился еще в юности: воспитатели часто водили приютских в церковь и под страхом геенны огненной заставляли читать Правила. По причине шока от какого-то неизвестного ему потрясения Даня ничего не помнил о своем более раннем детстве, и первые воспоминания заменили ему молитвы святых и праведных. Они легли на чистый лист его сознания четко, словно текст, начертанный чернилами врожденной тяги к лирике, и уже в глубокой юности он начал тайно писать духовные стихи.

Крахмально плотная туника...
Благочестивый пономарь
Достигший праведности пика
Зашел и заперся в алтарь.

Не издавая много крика,
Не задирая свой стихарь,
Скоблил он яростно и дико
Свой пономарский инвентарь...

«Как он чист, как светел и возвышен! – думала Машенька, поедая Даниила глазами. – Но как же он на самом деле лукав и бессердечен...»

– «Жилетт – лучше для мужчины нет!» – проскулил хор в рекламную паузу, чтобы как-то обеспечить зарплату батюшке, и тут же перешел на Херувимскую.

4

*При трех ноздрях будет идти лишняя струйка воздуха.
Китайская пословица*

У Даниила утро было самым обыкновенным. Проснувшись, он машинально попытался встать, но вместо этого, как в дурацком сне, упал на потолок.

– Ах, да, – промычал он осоловело. – Невесомость. Я еще на вахте...

Через пятнадцать минут он чистил зубы перед зеркалом умывальника и что-то бодро напевал в нос, когда вдруг почувствовал резкий приступ страстности. Схватившись за сердце, он склонился над раковиной и понял: это покойница не отпускает его.

«Скоро кончится вахта, и меня здесь не будет, – думал он. – А когда я вернусь, тут не будет ее. А сейчас она, может быть, в тридцати метрах от меня. Моя русалка. Голубушка моя. – Держась за сердце, Даниил стиснул зубы и звучно втянул через них воздух. – А вскоре я забуду, как она выглядит, и сойду тогда с ума. Сколько бы я отдал, чтобы иметь твою фотографию. Моя прелесть. Бедненькая моя».

Вдруг Даниил настороженно и недоверчиво покосился на себя в зеркало.

– Фотография? – сказал он, еще сомневаясь. Но следом добавил уже бодрее: – Фотография!

Вылетев, из своей каморки как пуля, чтобы успеть провернуть дело до начала дежурства, Сакулин помчался в морг. Фотографии покойников, как известно, делают нередко. Правда, при наличии каких-либо веских судебно-процессуальных или медицинских обстоятельств, а ни тех, ни других в данном случае не было. Но зато у Даниила была сметающая все, как ему казалось, на своем пути решимость влюбленного... Однако когда дверь ему отворила давешняя «моржиха», решительность его сняло, как рукой.

– Явился, красавчик? – сказала она так, словно давно его поджидала. Но тут же добавила: – А зачем?

– Да-да-да, так. Просто.

– А, – понимающе кивнула женщина и закрыла дверь перед его носом.

«Фу-у. Пронесло, – подумал Даниил с облегчением и поплелся домой. – Но что же делать? Как быть?» – спрашивал он себя по пути. Однако план действий не родился ни дома, ни на дежурстве, ни к вечеру.

* * *

Если уж Земля круглая, то орбитальная станция «Русь» еще круглей. Куда ни сунься, везде и всюду друзья-знакомые. А где много друзей-знакомых, там не в диковину и пьянки-посиделки.

Вот и сегодня собрались борцы за чистоту космоса после работы на вечеринку у начальника станции Водопьянова. Самого хозяина в большой, но битком набитой гостями квартире не было, зато был его заместитель Грибов. По доброму русскому обычаю зрелые люди тесно и прямо сидели вокруг оснащенного слабой гравитацией покрытого белой скатертью стола, пили водку, занюхивали, чем под руку попадется, а потом и закусывали, чем бог послал. Говорилось тут, как водится, обо всем что ни попадя, и периодически произносились краткие речи или незатейливые тосты, за которыми следовали взрывы истошного хохота.

– Ну, за царя! – предложил кто-то, и его немедленно поддержали. И не из трусливого верноподданничества, а оттого, что государь мусорщикам – не чужой вовсе. Ведь это его величество лично назвал корабли-утилизаторы «Хамелеонами» за два огромных иллюми-

наторных глаза кабины да длинный, как язык рептилии, кран, способный выловить любую космическую хреновину. А благодарные мусорщики добавили аббревиатуру – МП: «Максим Павлович».

Даниил сидел в тесном кругу товарищей и долго был по обыкновению тих и незаметен, как вдруг не выдержал, встал и, держа стопку на уровне груди, робко прокашлялся.

– Тс-с! Тщ-щ! – яростно зашипели друг на друга гости. – Тише! Цыц! Малой говорить будет.

Тишина образовалась столь глубокая, что Даня вновь сконфузился и после череды ложных движений – поправления очков, проверки молнии на ширинке, почесывания шеи и тому подобного – вновь прокашлялся. Все внимание было на нем, в тишине лишь побулькивали наполняющиеся стопки, а из соседних комнат доносились звуки танцевальной музыки.

– Давай, давай, дружище, – тихо поддержал оратора сидящий рядом Иван Петрович Антисемецкий, или просто Ванечка, сердечный и бесхитростный русский мусорщик. Даниил решительно набрал полную грудь воздуха.

– Лю-лю-лю... – начал он и стушевался, ожидая насмешек. Но окружающие продолжали молчать и пытливо его разглядывать. – Любезные мои друзья! – воскликнул он нараспев.

– Хорошо! Хорошо начал! – загомонили одни.

– Тщ-щ! Тихо! Тихо! – зашипели другие.

Даниил вновь гулко выдохнул и припомнил методики занимавшегося с ним в детстве логопеда Блюмкина.

– Лю-любезные мои друзья и товарищи, – нараспев и почти чисто начал он опять. – В этот пре-прекрасный вечер я искренне рад видеть в этом теплом доме столь родные и близкие мне лица. – Он отдышался. – И в знак моего гы-гы-глубочайшего уважения и умиления я хотел бы прочесть вам эти строки.

Сказано это было так, что все насторожились и даже невольно оскалились. Кто-то захлопал в ладоши, кто-то крикнул: «Молодец!», а кто-то резюмировал: «Хорошо сказал». И, сделав вид, что тост закончился, гости уже было собрались выпить, но взмокший от волнения Даниил нервным взмахом руки остановил их:

– Строки эти родились у меня в те часы, когда мы с вами бок о бок боролись за чистоту Божьего творения.

Он опять закашлялся, замер, а затем, не отнимая руку от уст, закрыл глаза и пошатнулся. Присутствующим показалось было, что он сейчас упадет, но он встрепенулся и, бросив тревожный взгляд в пустоту над головами собравшихся, начал читать. Кто-то, устав держать поддетый на вилку пельмень, медлительно и как бы незаметно для себя погрузил его в рот, но жевать поостерегся. А Даниил декламировал:

Васильками космос весь расцвел,
И в груди моей весна уже нежна,
Во вселенной я, как запертый орел,
И душа моя, как ты, обнажена,
О, русалочка, о, ласточка, *Oh, Girl*,
По которой я рукой своей провел.

Гости растерянно помолчали, с одной стороны удивленные сказанным, с другой – не веря, что он закончил. Наконец бригадир подытожил:

– Справедливый стих, – и выпил, горько затем сморщившись. И все тогда тоже, наконец, выпили.

Застолье продолжилось. Продолжились и пьяные пересуды.

– Нет, наш малой, конечно, любит иногда безо всякой нужды соврать... Или, скажем, приукрасить истину, но... крановщик он хороший...

– Малой – человек, – заметил кто-то.

– Человечище! – подтвердил другой.

– А люди, люди – это ведь главное, – заявил третий.

– Люди? – поморщившись, промычал кто-то отвлеченно и горестно. – Людей я в жопу имел! Вот животные – это вещь.

– Х-ха! – радостно донеслось с другого конца стола. – Наливай!

– Смешно дураку, что нос на боку.

– А где ты видел, чтобы прямо было?! Всё у нас вкривь и вкось.

– Поделом же говорят: «Эх, Русь – обосрись, не утрусь...»

– А вот не надо этого! Что за самоуничтожение?! Во всем инородцы виноваты!

– Ну-ка, пойдем, выйдем!

– Это что, приглашение на секс?

– Допустим. Но только по-настоящему, по-мужски.

– Х-ха! Наливай!..

В иллюминаторе отражалась гостиная и застолье. Линза была чуть выпуклой, и отражение длинного белого стола в ней сужалось, как зимняя дорога на повороте. А за иллюминатором дремал бездонный-бездонный умудренный веками Космос. Чего только не доводилось видеть ему с тех пор, как его сотворили. И многое из этого повторялось миллионы раз. А от вечеринок на станции «Русь» его уже и вовсе мутило.

Красный от напряжения Даниил забыл даже выпить. Но кого это волновало? Сейчас он проклинал себя за то, что обнажил перед посторонними свои самые сокровенные чувства. Капелька пота, поблескивая, свисала с его носа, как лампочка новогодней гирлянды. Он просидел так, зависший как процессор, за столом еще минут двадцать и очнулся лишь тогда, когда гости хрипло завели:

Тяжелым басом гремит фугас,
Ударил фонтан огня,
А наш пустолаз вдруг пустился в пляс —
Какое мне дело до всех до вас,
а вам — до меня?

Трещит Земля как пустой орех,
Как щепка трещит броня,
И лишь пустолаза бросает в смех —
Какое мне дело до вас до всех,
а вам — до меня?..

Когда рычали звуки последних куплетов, Даниил тихо выбрался из гостиной в темную прихожую, притворил за собой дверь и застыл возле нее. В уединении и мраке даже приятно было слушать, как по соседству веселятся бравые трудяги. Он поплыл по коридору водопьяновской квартиры, и звуки застолья стали чередоваться то со смехом молодежи, то с ритмами дискотеки, то со звуками фортепьяно тупо и неритмично повторявшего начало «Лунной сонаты». Не пожелав менять одну шумную компанию на другую, где к тому же придется пить штрафную, Даня предпочел пробраться на кухню.

К его разочарованию и там стояла все та же кутерьма, если даже не хуже. И дым тут был, хоть топор вешай. Как раз сюда понемногу сползались самые невменяемые гости, и одни раскуривали кальян, другие смолили сигареты, стряхивая пепел на потолок или в соле-

ные огурчики. Таким же сизым туманом, что и дым, висели тут и дремотные разговоры на фоне бормочущего в дальнем углу телевизора, на большом экране которого пестро менялись объемные картинки. Это Машенька, упершись локтями в коленки, упрямо пыталась смотреть серию своих любимых вечерних мультиков. Заметив родную душу, Даниил поспешил к девушке.

– Отстань! – вдруг выкрикнула та, отшатнувшись от его обнимающей руки, словно та была раскаленной чугуновой болванкой. Маша мотнула головой, линзы ее раскосых очков метнули в Даню сноп искр негодования и вновь вернулись в параллельную экрану плоскость.

Недоумевающий друг присел рядом и потупился. Не отрываясь от мультиков, Маша бросила:

– Я знаю, о ком ваше стихотворение.

– Я тоже, – невпопад ответил юный крановщик.

Машенька фыркнула. А мультики продолжались. Какие-то три толстяка в белых камзолах наступали, как Годзиллы, на город, в центре которого возвышался увенчанный двуглавым орлом небоскреб. Вдруг из-за высоты выскользнула стая самолетов-истребителей и принялась расстреливать зловещих толстяков. Но те все наступали и наступали. Тогда один, самый отчаянный, летчик на красном допотопном биплане пошарил в бардачке и вытащил оттуда обыкновенную рыболовную закидуху. Скользнув под крайнего из монстров, он, как назойливая муха, начал крутиться вокруг него, обматывая ноги леской.

Даниил набрался смелости и по-мужски решительно положил руку Машеньке на бедро. Румянец на лице девушки стал таким отчетливым, что его можно было принять за свежую ссадину. Бледная, холодная, тонкопалая конечность Даниила поползла отличнице под юбку. Внезапно Машенька схватила его руку и переложила в другое место. От волнения и неожиданности у Дани потемнело в глазах, а когда секунду спустя очнулся, он обнаружил, что его хваткая десница крабом уцепилась за левую грудь девушки. Под воздействием приступа робости Даниил медленно, как со взведенного боеприпаса, снял свою пятерню с тела оцепеневшей подружки и опустил обе кисти на свои сдвинутые острые коленки.

Так, в позе воспитанников подготовительной группы детского сада, они и просидели почти весь оставшийся вечер перед окутанным табачным дымом мерцающим и бубнящим телевизором. Пока к ним не присоединился третий.

* * *

Не было на станции «Русь» мусорщика сердечнее Ивана Петровича Антисемецкого, или просто Ванечки. А сейчас не было и пьянее. Подсев к ним, он тихо сказал:

– Тошновато мне здесь что-то. Тошновато и грустновато.

– И мне, – отозвался Даниил.

– И мне, – подхватила Маша.

– А пойдем, Машенька, к тебе, – предложил Ванечка. – Посидим своей компанией...

Остаток этого лихого вечера они пили портвейн под номером 32 дома у Машеньки. Даниилу она отказала бы, но ранить сердце добрейшего Ванечки девушка не смогла.

Вот тогда-то, довольно быстро дойдя до Ваничкиной кондиции, наш юный крановщик начал рыдать и рассказывать трагедию своей жизни.

– Я же люблю ее, люблю больше всей вселенной! – плакал он. – А она такая холодная...

Машенька, демонстративно заткнув уши, уселась к ним спиной и уставилась теперь уже в маленький, но свой собственный телевизор.

Ванечка, внешне – стандартный русский мусорщик бомжеватой внешности с круглой небритой ряхой и в вечной вязаной шапочке-«петушке», готов был не только подставить своему сопливному другу грудь, но и разрыдаться сам.

– И вот теперь она, мертвая, лежит там, в морге, или, может быть, изменяет мне с каким-нибудь красивым очкастым патологоанатомом, – сипло нес Сакулин уже полную ахи-нею. – Сволочь! Ненавижу! Ну не могу я так больше, Ваня, – захныкал он. – Не могу я вынести этой жизни...

Сказав это, Даниил залил горе очередным стаканом портвейна. Ванечка, травмированный в самую душу, вылупился в Машенькину спину и выпятил нижнюю губу – так, будто его отшлепали. Опомившись, он торопливо опустошил стакан, и когда он морщился, его красные глаза наполнились слезами, а гримаса сострадания неожиданно превратилась в гримасу неизбывного горя. Резким выпадом он обхватил Даню руками и разрыдался наконец на его впалой груди, оставляя на белой рубашке крановщика практически туринский отпечаток.

Когда оба несколько успокоились, но объятия их все еще были тесны, Ванечка сказал икающим голосом:

– Скажи мне, друг мой, что я могу сделать, чтобы хоть как-то смягчить твои терзания?

– О, Ванечка! – отчаянным, полным безнадежности голосом воскликнул Даниил и принялся слезно расцеловывать обветренное, красно-серое лицо родного человека.

* * *

... Что было дальше, Даня наутро не помнил. Проснулся он с ощущением несвежести во рту и небритости той щеки, под которую была подложена рука. Волосы на его тяжелой голове торчали дыбом, а внутри нее стоял такой звон, будто его оглушили рельсом, и этот самый рельс, словно камертон, до сих пор держит свою невыносимую ноту. Его душевное состояние наиболее сопоставимо было, наверное, с чувствами гражданина Шарикова, который, проснувшись после операции, обнаружил, что он опять собака.

Первые десять секунд Даня старательно соображал, какая из окружающих его плоскостей все-таки является полом, чтобы плюнуть туда. Отчаявшись, он смачно харкнул на ближайшую и поплыл к раковине, чтобы попить воды. И вот тут... Неизвестно откуда взялись у него силы, но закричал он так, будто станция падала на Землю. В этом-то протяжном гортанном крике он и пришел в себя. А придя, испугался, что соседи вызовут орбитальную милицию, и судорожно закрыл пасть ладонью.

Разодетая как прожженная шляха, в кружевных чулочках, пристегнутых пажиками к трусикам, Русалочка сидела тут, привязанная к стулу, вылупив свои фарфоровые накрашенные глаза. И волосы ее, заплетенные в косы с бантами, как щупальца, извивались в невесомости.

5

*Когда феникс садится на насест,
он делает это хуже, чем курица.*
Китайская пословица

А было так. Напившись вчера до посинения, Ванечка глубоко проникся горем Даниила и по-отцовски пожурил товарища за малодушие. Он решительно поднял его на подвиг и, вывалившись из квартирки прикованной к телеэкрану отличницы, друзья напрямик направились в скорбное хранилище усопших. Но путь этот оказался не столь прямым и кратким, как им хотелось. На полдороге их остановила милицейская карета, и из окошка высунулся лейтенант:

– Куда, откуда и зачем?! – поинтересовался он.

– По любовным делам, – с вызовом ответил Ванечка и слегка грузанулся, стоит ли добавить «в морг». Но решить не успел, так как милиционер, внимательно оглядев обнявшихся друзей, понял все по-своему.

– А-а, – кивнул он с дурашливым участием. – Ну, это у нас не возбраняется. Только напиваться-то так зачем?

– Для храбрости, – пискнул Даниил. Ведь и впрямь, не напейся он так, никакими уговорами его было бы не заставить опять отправиться в царство суровой моржихи.

– Боишься? – усмехнувшись, гнул свою линию мент. – В первый раз, что ли?

– Во второй, – признался Даня.

– Так ежели во второй. Зря тогда боишься, малохольный.

Из кареты раздался радостный гогот ментовского напарника.

– Отставить страх, резьба-то уже сорвана, – добавил лейтенант.

Не въехав в замшелую шутку про резьбу, Сакулин понял только то, что милиционер его порыв одобряет.

– Спасибо вам, товарищ майор, – сказал он серьезно (он видел на погонах две звездочки, но думал, что это у него двойится в глазах). – Есть отставить страх.

– Какой же я тебе майор? – удивился мент.

– Самый на-на-настоящий, – осознав свою ошибку, стал оправдываться Даня. – Только будущий. Вот увидите.

– Экий ты ловкий, – усмехнулся лейтенант. – Ну, ладно, спасибо на добром слове. Проходите с богом.

– А пошли с нами?! – невпопад предложил душевный Ванечка.

– С вами? – удивился лейтенант. – Э-э... Нет, ребята. Жалко прямо, но с вами – никак. Служба, понимаете ли.

– Товарищ милиционер, – не унимался любвеобильный Ванечка, – а можно мне вас поцеловать на прощание?

Гогот из кареты раздался еще куражестей прежнего.

– И взасос, конечно? – мрачняя, уточнил лейтенант.

– А как же ж еще?! – все так же радостно вскричал Ванечка.

– Может, тебе еще и минетом услужить, брат мусорщик? – в голосе лейтенанта послышалась усталая угроза.

– Да нет, не сто́ит, – не заметив ее, с сожалением вздохнул Иван. – Теперь ведь пост на Руси. А я такой человек, что и за тысячу рублей не захочу оскоромиться.

Мент немного помолчал, пристально вглядываясь в лицо Ванечки и решая, дурак тот или издевается, потом сказал недобро:

– Ступайте-ка вы с миром, добропорядочные наши православные граждане.
– До свидания, – кивнул Ванечка.
– Бывайте, бывайте... – бросил мент, и карета, покачиваясь, неспешно отлетела от путников.

* * *

В те, позже преданные забвению, минуты Даня одновременно и жаждал встречи с дежурившей давеча в морге женщиной, и страшился ее. Жаждал оттого, что хотел оправдаться хотя бы перед самим собой за случившийся с ним утром приступ робости, страшился же потому, что понятия не имел, что скажет ей теперь. Но в морге ему пришлось столкнуться с разочарованием и, в то же время, облегчением: двери отпер невысокий бородатый дяденька. Кто он – сторож ли, ночной ли дежурный, этого друзьям узнать было не суждено. Человек этот не дал застать себя врасплох и встретил гостей напористо:

– Ну что, принесли?

Ванечка с обиженным выражением лица достал и предъявил две бутылки горючего.

– Тогда проходите, – сказал ночной хозяин заведения.

Похоже, ситуация эта была ему привычной. Почти не глядя на гостей и не уточняя цели их прибытия, дяденька сразу повел их к рефрижератору. Вся стена здесь, как цинковые соты, была поделена на ячейки с усопшими. Ловко выдвигая и задвигая шестигранные полки с нагими покойниками, дяденька демонстрировал свою скорбную коллекцию.

Вж-жик.

– Эта?

– Не-а.

Щ-щик... Бум! Вж-жик.

– Этот?

– Не-а.

Щ-щик... Бум! Вж-жик.

– Этот?

– Нет.

Щ-щик... Бум! Вж-жик.

– Эта?

– Она! – истошно выкрикнул Даниил.

– Приходите утром, – сказал дяденька, – все оформим по закону.

– По закону не выйдет, – признался Даня с дрожью в голосе.

– Вы что, не родственники? – удивился дяденька.

– Нет, не родственники, – покачал головой Ванечка.

– А кто? – удивился дяденька еще сильнее.

– Э-э... – замялся мусорщик.

– Го-го-го... Горячие поклонники, – вмешался влюбленный крановщик.

– Тогда не положено.

Не сводя глаз с покойницы, Даня дрожащими руками вытащил из кармана бумажник и протянул вершителю судеб всю имеющуюся у него наличность.

– Обижаете, – помрачнел дяденька и как-то особенно негуманно задвинул покойницу: «Вж-жик... Бам-м!!!» – Русские за деньги не продаются.

– Даня, ты чего? – принялся укорять товарища Иван. – Ты чего делаешь-то, Даня? Разве можно так с человеком?.. – потом выхватил у него червонцы, заглянул в глаза хозяину и, подняв ладонь, мол, «спокойно!», бросил: – Я мигом!

Даниил, потупившись, остался висеть возле презрительно разглядывающего его хозяина, но на счастье вернулся Ванечка действительно очень быстро. Притом в руках его, между каждыми двумя пальцами торчало по горлышку. Усердно загребая этими стеклянными ластами в невесомости, он напоминал толстую, плывущую под водой лягушку. Приняв бутылки, страж покойных подобрел и от щедрот предложил:

– Может, еще кого возьмете? – ввиду занятости рук он описал дугу бородой, указывая ею на ячейки. – От чистого сердца...

– Не, нам кроме нее никого более не надобно, – помотал головой Ванечка.

– Ну что ж, – вздохнул дяденька. – Жаль. А то ведь, знаете, как... Не всегда в хорошие руки отдавать приходится. Бывает, и медики для опытов забирают. Просто сердце тогда кровью обливается. Ну что ж, берите на здоровье. Заходите еще. Милости, как говорится, просим. Только вот вы что: будет баба Зина дежурить – про меня не спрашивайте. Я здесь на хорошем счету, знаете ли. Сразу когти рвите, а спросят чего, говорите, мол, ошиблись...

– Хорошо, хозяин, – покивал головой Ванечка, беря невесомую покойницу на плечо. – Слышь, еще чё... Мы в этом деле новички, ты уж посоветуй нам, как за ней ухаживать.

Дяденька с озадаченным выражением заглянул Ванечке в лицо и пожал плечами.

– Ухаживать? В смысле, цветы, там, дарить, в киношку?.. Чего за ней ухаживать-то, она же мертвая.

– Я, в смысле, чтобы не испортилась, – разъяснил Ванечка.

– А-а, вот ты про что! Так не роза, не завянет. Консервант – штука надежная.

– Это что же получается, она вообще никогда не испортится?

– Нет, конечно! Орбитальное погребение, это, брат, тебе не мавзолей имени Ленина.

* * *

... После обнаружения в каюте покойницы с Даниилом сделалось нехорошо. Забившись в самый дальний угол, он спрятался за шкаф и изредка украдкой выглядывал из-за него. Каждый раз убеждаясь, что русалочка ему все еще мерещится, он тут же прятался обратно. Та же, в свою очередь, вместе со стулом совершала в невесомости медленные кульбиты.

«Белая горячка!» – вот первое заключение, которое сделал Даня. Он действительно весь взмок, и у него скакнула температура. Как это бывает в экстремальных ситуациях, он потерял ощущение времени и потому позже не мог припомнить, сколько минут или часов длилось это их первое свидание с глазу на глаз. Но конец ему положил неожиданный негаданный звонок в дверь.

Что тут началось! До этого Даня боялся к русалке даже приблизиться, но теперь, по сравнению с опасностью оказаться застуканным в компании с миловидной покойницей в кружевном белье, страх этот превратился в ничемное суеверие.

Оперативно отвязав русалку от стула, Даня принялся, как тряпичную куклу, запихивать ее в шкаф. Когда он убедился, что из-за полок она туда не поместится, он пристроил ее в угол возле входа, так, чтобы пришедший не мог увидеть ее от двери. А за порог он решил никого не впускать.

– Здравствуйте! Меня зовут Вениамин Светлов, – с привычной торжественностью представился наделавший переполоху гость в невзрачном сером плаще. – Будучи французских кровей, я предлагаю вам себя на весь остаток жизни. Ежедневный завтрак в постель и кофе; тихая, уравновешенная свекровь или, если хотите, теща; зарплата от трехсот долларов США и выше. А также в ассортименте имеется толстенный фаллос длиной, и это не шутка, в фут. – Торговец распахнулся...

Даниил облегченно выдохнул и хлопнул по красной кнопке.

– Что за жизнь? – риторически проямлил коммивояжер, повесив голову перед задвинувшейся дверью.

* * *

...Что греха таить, Даниил подумывал даже, как от нее избавиться. Опасаясь ответственности, в первые минуты он забыл про любовь и, хватаясь за голову, метался по каюте. А прекрасная русалочка, распушив банты, как танцовщица в замедленной съемке, вертелась от создаваемых им вихревых потоков воздуха.

Не найдя решения самостоятельно, Даня хотел было спросить совета у людей духовного звания, коим беззаветно доверял, но, припомнив последнего орбитального батюшку, от этой идеи отказался.

А если не в церкви, то где же она – истина? Как и большинство благочестивых русских людей, Даниил ответил на этот вопрос так: у гадалок и экстрасенсов. Он знал, что путь оккультизма не ведёт ни к чему хорошему, но только здесь он мог надеяться на, хотя бы платное, понимание.

Сначала он записался на прием к орбитальному экстрасенсу Брюквину, но, обнаружив, что почти все его наличные деньги куда-то пропали, он посчитал оставшуюся мелочь и направился в цыганский блок. Гадание заказал на бубновую даму.

Раскинув на столе намагниченные карты, толстая старуха в цветастом платке удивленно сморщилась.

– Бриллиантовый мой, – сказала она, – тяжелый рок висит над тобой! – и, смешав колоду, начала в третий уже раз раскладывать ее сызна. Истомившийся бледный как стена Даниил смиренно ждал. Наконец, цыганка, вздохнув, вскинула на клиента притворно сочувствующий взгляд:

– Женись, карта говорит. Теперича не отвертишься.

– Женись?! – опешил Даня. – Как так жениться?!

– Как-как? Как русским людям положено. И не тяни с этим. А то хуже будет.

– Но она же мертвая.

– Вот как? – подняла бровь цыганка. А затем развела руками: мол, я-то тут причем?..

«Господи, помилуй меня, окаянного, – молился Даня по пути домой. – За что мне такие наказания? Я же и впрямь люблю ее. Всем сердцем люблю. Но как быть-то мне, а?»

6

*Белый холст боится попасть в чан
с индиго.*

Китайская пословица

Позже к Дане и Русалочке присоединились Ванечка и Маша. Было похоже на похороны. Все сидели молча, потупившись. Даже принесенный душевным пустолозом портвейн они пили, не чокаясь. Особенно страдал Даня. Машенька же, будучи добрейшей девушкой, забыв обиды, прониклась к нему искренним состраданием.

– Она, конечно, невесомая, – вздохнув, сказал Даня, – но, может быть, вы все ж можете мне в церковь ее сносить? Цыганка ведь сказала, женись, а то хуже будет... Боязно мне одному-то.

– Так не повенчают же! – помотал головой Ванечка.

– Знаю, что не повенчают, – кивнул Даня. – Но попытаться я должен, иначе не прощу себе. Мы в грехе жить не станем. Я обожаю ее и преклоняюсь. А потому до венца ничего между нами не будет... Так поможете?

– Об чем речь, Даня?! – заверил Ванечка. – Конечно же, мы поддержим товарища в такой недобрый час. Но сперва договориться надо.

Пока Маша приводила Русалочку в порядок, друзья-мусорщики направились в часовню.

– Батюшка, как у вас тут венчаются? – спросил Ванечка.

– Вы закажите побольше в свечном ящике, я вас хоть сейчас сочетаю, – улыбнулся батюшка понятливо. – Дело-то хорошее.

Сакулин и Антисемецкий переглянулись.

– Да нет, батюшка, вы нас неправильно поняли, – робко улыбнулся Ванечка. – Это вот товарищ мой с девушкой своей обвенчаться хочет.

– С девушкой? – переспросил батюшка, озадаченно погладив бородку. – Ну что ж, можно, конечно, и с девушкой. Но дороже встанет.

– Только вот тут какая штука получается... – замялся Ванечка. – Она... Ну, в общем... Она у нас мертвая.

– Как? – испугался батюшка и, прикрыв рот рукой, осмотрелся по сторонам. – Что, совсем?

– У нас и свидетели имеются, – с успокаивающей интонацией заверил Ванечка.

Но слово «свидетели» напугало батюшку еще сильнее.

– Видите ли, – перекрестившись, сказал потемневший челом служитель культа, и его передернуло. – В церкви есть свои традиции, и мы непременно должны соблюдать их. В общем, извините, молодые люди, но – только с высочайшего благословения. Порядок есть порядок...

– Как же мне быть?! – вмешался Даниил. – Ведь я люблю ее, я жить без нее не могу!

– Ну, коли так, – вдруг смягчился батюшка, – можно подождать до Воскресения.

– Да?! – радостно удивился Ванечка. – А по воскресеньям и с покойницами венчают?

– Нет, – помотал головой батюшка. – Но хоть просто, по-человечески, подружат, поболтают...

Ваня и Даня вконец запутались.

– Она что, оживет, что ли? – осторожно спросил влюбленный.

– А куда ж она денется? Конечно, оживет. Ведь сказано: «... И мертвые воскреснут нетленными...»

Тут только Даня сообразил, о каком Воскресении толкует батюшка, и опечалился.

– Так мне что, до Судного дня свадьбы ждать, так что ли выходит?!

– Нет, юноша, свадьбы тогда будут не положены. Ибо сказано: «... Когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как ангелы на небесах». Так что, извините, но с венчанием у нас ничего не получается. Вот отпеть её если – это всегда.

С этими словами батюшка удалился в алтарь.

– Им бы только отпевать, – недобро буркнул Ванечка вслед.

* * *

Безразличная ко всему невеста и растерянная свидетельница, как и полагается, ждали дома. Жених с товарищем вернулись невеселые.

– Свадьбы не будет, – с порога объявил Даня и повесил голову.

– Почему? – нахмурившись, спросила Машенька.

– Батюшка ерепенится, – объяснил Ванечка. – Этого и бутылкой не возьмешь. Пока за столом украдкой не напоишь, дело с ним не сладишь.

– Так пригласите его, – предложила Машенька. – Все ж куплено.

– Нет, – отрезал жених. – Духовные дела так не делаются. Раз батюшка сказал нельзя – значит, такова воля Божья.

– А вот и неправда! – как матрос на митинге, взорвался Ванечка и взмахнул кулаком. – Это папа римский непогрешим, а наши попы как раз очень даже погрешимые! Один не повенчал, другой повенчает!

Даня потупился, потом поднял голову и поскреб подбородок.

– Что-то в этом есть, – наконец согласился он. – Можно и в другой раз счастье попытать. – Он снова задумался, затем добавил. – Только уже не с каким попало батюшкой, а с тем, который наверняка волю Божью исполнит.

– Где ж ты такого найдешь? – вмешалась Машенька.

– Найду! – отозвался крановщик решительно, вспомнив при этом о своем логопед, который был когда-то попом и наверняка имел в этих сферах какие-нибудь связи и знакомства.

* * *

Доктор Аркадий Эммануилович Блюмкин обитал в центре Екатеринбурга – столицы Российской Империи, в огромном здании, где только по официальным пропискам насчитывалось более ста тысяч жителей. Пространные комнаты его захлавленной квартиры были обставлены старомодной мебелью красного дерева, стены и паркет не видали ремонта, минимум, полвека, а тяжелые шторы создавали здесь вечный полумрак и прохладный сонный покой.

Доктор имел уже внуков, но, будучи человеком разведенным, давно жил один, если не считать английского бульдога по кличке Пиночет да кота с благозвучным именем Отец Виктор.

Тут же, прямо в квартире, была у доктора небольшая приемная и логопедический кабинет. Занимался он в основном с детьми, потому у него было полно всевозможных игрушек – крокодил Гена и Винни Пух, юла и кубики с буквами... А также Терминатор и голограммка ядерного взрыва – излюбленная концовка всех детских игр. Когда-то, еще ребенком, бывал в этом кабинете и Даня, и с тех пор, когда он заходил к доктору в гости, у него екало сердце и просыпалось чувство сладкой ностальгии.

Благообразная внешность Блюмкина выдавала старого интеллигента. Аккуратная борода, густые брови над хитроватыми глазками и взбитые на затылке кудри. Несмотря на возраст и грузное телосложение, почему-то всегда казалось, что он вот-вот пустится в пляс. Доктор любил выпить водки, но не по-русски, а на западный манер, чтобы не вдруг и в хлам, а регулярно и по чуть-чуть. Хобби ж его было – изготовление коктейлей, хотя сам он их не пил, а лишь пробовал, угощая гостей, так как его собственный организм перестал с некоторых пор выдерживать «алкоголесодержащие смеси».

Когда раздался звонок из космоса, доктор занимался работой.

– Ну-ка, высунь язычок, – просил он семилетнюю девочку.

– Мама мне запретила язык показывать, – категорично отозвалась та.

– Это дома и в школе, – увещевал Блюмкин. – А здесь тебе за это никто ничего не сделает.

– Все равно не буду.

– Ну, пожалуйста, ну, деточка, ну, я тебя очень прошу. Я тебе и спасибо скажу, и конфетку дам.

– Точно?

– Всенепременно!

– Бе-е-е!!! – оттянулась девочка на полную катушку.

И тут зазвонил телефон.

– Блюмкин слушает, – нахмурился логопед, прижав трубку плечом.

– Здр-здра-здравствуйте, док, это я.

– А, Даня! – несмотря на то, что его оторвали от работы, доктор искренне обрадовался. – Как твоё здоровье? Чем обязан?

– Аркадий Эммануилович, у меня к вам дело, и очень серьезное.

– Понятно, понятно... – все также обрадовано, но уже с некоторым угасанием интонации произнес доктор. – Однако, знаешь ли, дорогой, прямо сейчас я работаю. У меня тут ребенок. Перезвони-ка ты мне вечером. Часа эдак через три.

– Ладно, док, – в голосе Сакулина прозвучали нотки разочарования. Не замечая этого, Блюмкин сказал:

– Тогда удачи, дружище.

Он положил трубку и обнаружил, что девочка исчезла.

– Сашенька! Ау-у! Де-точ-ка! Где ты?!

Шаркая шлепанцами, доктор отправился искать непослушную пациентку по всей огромной квартире.

* * *

В космосе тем временем творилась полная лажа. Только что позвонили в дверь, и Даниил, подойдя и глянув на экран, сделал такое лицо, будто ему на ногу уронили утюг, к тому же горячий.

– Менты!!! – сказал он диким шепотом.

– Поп заложил, сука! – просипел в ответ Ваня.

Пока мужчины, растерянно переглядывались и топтались на месте, находчивая Машенька схватила нарядную Русалочку и заперлась с ней в сортире. Даня с Ванечкой тут же бросились к дверям, чтобы затянувшаяся заминка не вызывала у представителей закона подозрения. Хотя у обоих и была полная уверенность, что их уже накрыли.

– Здравствуйте, – поздоровался милиционер.

– Здрас-сьте, – покивали мусорщики.

– Извиняемся за беспокойство, – деликатно сказал страж порядка. – К вам сегодня не заглядывал человек, представившийся Вениамином Светловым?

Облегченно выдохнув, Даня припомнил:

– Кажется, заглядывал. А что?

– Видите ли, судя по всему, произошло самоубийство.

– Какой ужас, – холодно буркнул Даня.

– Его нашли час назад удавившимся в вакуумном унитазе, – продолжал милиционер. – Мы проверяем остальные версии случившегося. Он вам, случайно, ничего не предлагал?

– Только любовь до гроба.

– А вы не заметили в нем ничего странного? Чего-нибудь особенного?

– Да, вроде, ничего, – уже нервничая, сказал Даня. – Не считая толстого фаллоса длинною в фут.

– Вот как? Это важная деталь. Что ж, спасибо. И еще раз извините за беспокойство. Если припомните что-нибудь, звоните непосредственно в отдел космических преступлений или дежурному – на ноль-два.

– Хорошо. Обязательно, – пробормотал Даня и нажал на дверную кнопку.

Так что лажа оказалась вовсе не такой уж полной. Но чувство тревоги с этих пор товарищей уже не покидало. Мысль о ненадежности давешнего батюшки даже навела Ванечку на идею «замочить суку», но Даня с Машенькой его не поддержали.

* * *

Вечером, как и договаривались, перезвонили доктору. Разговор длился целый час, но имел крайне беспредметный характер, так как обсуждать криминал по телефону Даня теперь боялся. От ощущения беспомощности он почти сразу разрыдался и бормотал в трубку что-то нечленораздельно-отвлеченное. Но Блюмкин был неплохим психологом, и к концу беседы крановщик слегка приободрился.

– Ты, Даня, только не волнуйся так, – приближаясь к финалу разговора, посоветовал доктор. – А то опять придется от заикания лечиться, – на стереозкране телефонного аппарата он все это время успокаивал и обнадеживал Даню не только словами, но и всем своим оптимистическим видом. – Я тебе как врач говорю: все проблемы в жизни решаемы.

– А как бывший священник? – утирая слезы, спросил Даниил.

– А как бывший священник – тем более, – подтвердил Аркадий Эммануилович. – Когда у тебя вахта кончается?

– Через два дня.

– Ну, вот и все. Как приземлитесь – сразу ко мне. Там и разберемся. И я уж придумаю, как вас выручить.

– Спасибо, док, – швыркнул носом Даня.

– Пока не за что. С Богом, друзья. Молитесь Александру Македонскому.

– А поможет? – удивился Данечка.

– А как же! Мне всегда помогал, и вас в беде не оставит.

– Ну, с Богом, док, – отозвался Даня благодарно и повесил трубку.

Пару минут после разговора Блюмкин, бредя по коридору, о чем-то сосредоточенно думал и жевал челюстями, словно пробуя какое-то слово на вкус. Потом остановился, хлопнул себя по лбу и сказал сам себе возмущенно:

– Какому Македонскому?! Невскому!

Глава вторая В ОТПУСКЕ

1

*И для упавшего кирпича приходит день, когда его перевернут.
Китайская пословица*

Никогда еще Даниил не трудился с такой радостью, и никогда еще так не стремился закончить работу поскорее, как эти два дня. Ведь в каюте, там, на станции, его ждала прелестная Русалочка. На дежурство он приходил в белой рубашке и при галстукке, был как никогда вежлив, весел и приветлив. И все это благодаря Блюмкину, беседа с которым оказала на него буквально магическое действие. А иначе вообще неизвестно, вышел бы Даня на работу, или нервы его сдали бы окончательно, и он отчалил бы с Русалочкой на спасательной капсуле...

Но вот, наконец-то, вахта закончилась. Провести начало отпуска, пока все не уладится, Машенька с Ванечкой согласились вместе с влюбленными, точнее, с влюбленным. Меньше всего вещей было у Ванечки: рюкзак цвета хаки да найденные в космическом мусоре крупные подарки для родных, которые он тащил в руках: глобус, испещренный вместо букв какими-то иероглифами (для тёщи), и жалкого вида плюшевый жираф (для племянницы).

Если не считать завернутую в ковер Русалочку за вещь, то у Даниила их тоже было немного, и все они умещались в черном чемодане на колесиках. Вопросов по поводу ковра никто из посторонних не задавал, так как перевозка хлама из космоса обратно на Землю была своего рода хобби всех мусорщиков. Красиво жить, как говорится, не запретишь. Таможни тут не было, так как границы государств не пересекались, да и что можно вывезти из космоса домой? Только то, что выбросили другие... Никто ведь не знал, что в ковре у юноши завернута покойница. Вот если бы на «Руси» кто-то умер, и труп исчез, возможно, его и искали бы. А так...

Больше всего чемоданов и сумочек было, естественно, у Машеньки. Ее пестрые клетчатые торбы и торбочки были набиты мягкими игрушками, синтетическими шмотками, журналами, тетрадками, вибраторами, фенами и косметичками. Сумки эти завалили половину трехместной капсулы, часть содержимого просыпалась и поплыла в невесомости, превращая кабину в дурацкий девичий рай.

— Здравствуйте, вас приветствует электронный бортпроводник спускаемого аппарата «Болид-ТМ», — произнес безжизненный автоматический голос. — Пожалуйста, пристегните ремни безопасности и приготовьтесь к аварийной посадке.

Никто не знал, почему на всех российских «Болидах» в приветственной записи любая, самая плановая, посадка именовалась «аварийной». Возможно, так было записано нечаянно, по пьяни, а потом за дефицитом средств не исправлено, возможно, наоборот, с умыслом, так как почти все посадки в этих капсулах действительно можно назвать аварийными... Русские и в космосе не утратили доброй традиции давать отечественной технике душевные прозвища. Так, за спускаемым аппаратом серии «Болид» твердо закрепилось созвучное прозвище «Айболит». Отсюда и поговорки: упал, как «Айболит», пропал, как «Айболит», рванул, как «Айболит», ну, и тому подобное.

– Ну, с Богом, – сказал Ванечка, и все трое перекрестились. Капсулу тут же трянуло, да так, словно снаружи ее пнул великан. Пассажиры, как на американских горках, дружно вскрикнули, и «Айболит», неуклюже болтаясь и вращаясь, косо ушел к Земле.

Тем, кто смотрел изнутри в его иллюминатор, казалось, что, это земной горизонт прыгает и вертится, приближаясь. Полет на спускаемом аппарате действительно напоминал какой-то беспощадный аттракцион. Изнеженные в невесомости человеческие внутренности вертело и полоскало, как в центрифуге стиральной машины «Zanussi». Но по мере уплотнения атмосферы болтанка стала уменьшаться, и на смену ей пришла вибрация, сопровождаемая сверлящим мозг звуком.

Высота его нарастала, а когда он превратился в ультразвук, капсула снаружи загорелась, и от нее стали отваливаться ненужные механизмы. Вдруг она, словно автомобиль на краш-тесте, врезалась в бетонную стену. В смысле, так показалось пассажирам, которых с адской силой вдавило в сиденья. Глаза их вылезли из орбит, вены на лбах набухли, а щеки расплзлись по плечам. Это раскрылся первый тормозной парашют, и с ним капсула продолжила свой бешеный спуск под углом.

Вскоре открылся второй, основной, купол, и друзей разом прихлопнуло всеми Машенькиными торбами, ковром с Русалочкой, чемоданом, рюкзаком, глобусом, несвежим жирафом и целым градом из тюбиков, заколок и гребешков. Стряхнув с себя багаж, первым из кучи вылез Ванечка и помог высвободиться другим. Нарушая правила, они отстегнулись и приникли к окошечку иллюминатора, в надежде увидеть, наконец-то, родную страну.

– Только бы не в Китай, – привычно смирившись со всем остальным, протянул Ванечка.

– Только бы не в море, – не согласился с ним Даня.

– Ну, давай, Айболитик, не подведи! – прошептала Маруся, всматриваясь вниз. Но до земли было еще далеко, и под ними, насколько хватало глаз, простирался лишь облагороженный закатом океан облаков. Он все приближался и приближался, казалось, что на него они и приземлятся... Но не тут-то было. Вот они нырнули в туман, и вид за окном превратился в скользящую дымку. Мгла стояла томительно долго, но вдруг испарилась так же неожиданно, как началась, и перед друзьями открылся светящаяся небоскребами и кишачая летучим транспортом сумеречная громада мегаполиса.

– Ур-ра! – воскликнули друзья хором и наперебой бравурно запели:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу,
На славу нам.

Царствуй на страх врагам,
Царь Православный!
Боже, Царя храни,
Царя храни!

Да, «Айболит» таки не подвел: это был стольный град Ё-бург. Первыми бросались в глаза впивающиеся в небеса шпили небоскребов в центре с двуглавыми орлами на самом верху. Сверкали в подсветке белые златоглавые храмы, воздвигнутые, как на скалах, на крышах гигантских зданий. А вокруг поднимался обозначенный огоньками лес заводских труб.

К спускающейся на большом парашюте капсуле подлетел воздушный тральщик, прикрепил «Айболита» к себе, а шелковый парашют с механической ловкостью, словно сжевал лист салата, запихал в свое нутро.

* * *

... После приземления все стало как-то празднично, дремотно и уютно. Столица открывалась им, словно родной двор или даже собственная квартира. Денег на такси было жалко, поэтому они долго перлись с чемоданами до ближайшей станции метро, дивясь и вдыхая пестрый аромат родного для каждого русского сердца места.

Как многоярусный улей жужжал вокруг них, дымился и сверкал электрический ночной город, прекрасный в вечной слякоти и ползущем от теплотрасс тумане. Бродвейскими рубинами и парижскими бриллиантами мерцали и рассыпались фейерверки его лукавых огней. Светились ночные витрины с выставленными в них шикарными автомобилями, вдруг бархатная алая дорожка выкатывалась с крыльца казино, из дверей на нее выскальзывала туфелька – дороже, чем всё заведение...

В огромных сияющих окнах, словно похищенные из Лувра, блистали и грозились обрушиться от негодования небес вычурные хрустальные люстры. Стаи бомжей ныряли в мусорные баки так, что оттуда торчали только две-три ноги. Томные подростки бросали туда же бутылки с зажигательной смесью или запинывали на остановке припозднившуюся интеллигентную старушку. Не спеша, чтобы ничего не пропустить, проезжали мимо милицейские патрули. Чучела вымерших медведей, скалились в улыбке богачам, бритоголовые секьюрити с проводками за ухом теснили в стороны простой народ, а лакеи в гусарском обмундировании, готовясь к встрече знатных гостей, поправляли у себя в паху.

На одном из перекрестков космических уборщиков окружило отделение конной милиции. Изысканно-грузные кони с покрытыми инеем бородами переступали, напирали, фыркали, и из их ноздрей, как дым из ноздрей чудовищ, валил пар и летели капельки влаги. В щегольском парадном обмундировании, в бурках и высоких черных папахах, с автоматиками да при сабелях, столичные стражи напоминали маскарадных разбойников. Гладковыбритые щеки их лоснились впалой синевой, немигающие стеклянные глаза матово поблескивали от мороза и спирта.

– Что, диверсанты? Небось, из Киева напрямиком? – нагло светя в лица фонариком, спросил один конник.

– Да, что вы, паны, мы только что из космоса, – возразил Ванюша.

– Слыхал? – сказал один кавалерист другому. – Панами нас назвал, обидеть хочет!

И действительно, с чего это у Ванечки такое вырвалось? Объяснить он и сам смог бы вряд ли.

– Знаем-знаем, из какого такого космоса, – с недоброй ухмылкой сказал казак в шапке, так круто сдвинутой набок, что он казался одноглазым. – Где деньги?!

– Какие деньги, батюшки?! – всплеснул руками Ваня. – Мы ж с вахты, говорю. Все давно пропито.

– Что значит, пропито? – расстроился казак. – Без денег, это ж – значит, без регистрации.

– Помилуйте, братцы, мы ж только приехали.

– А нам это как-то индипедентно, – туманно заметил конный милиционер. – Может, у вас водка хотя бы есть?

– Ну, так! – несколько обиженно пробурчал Ванечка. – Кто ж со станции «Русь» без водки возвращается? – Он достал из-за пазухи пузырь. – Трофейная-орбитальная. Попробовать хотите?

– Ой, не спрашивай, – произнес казак смягченным и даже каким-то домашним голосом. – Открывай, давай.

Мусорщик свинтил пробку, протянул флакон ослепившему его фонариком всаднику, и тут же ощутил рукою влажное тепло смачно присосавшихся к бутылке конских губ.

– Пей-пей, Недокентавр, – сказал всадник ласковым голосом, поглаживая ладонью лошадиную шею. – Вся ночь впереди.

Бутыль опустела, казак угрожающе подал коня вперед, животное фыркнуло, и друзей обдало горячим перегаром. Не попрощавшись, патруль молча побрел по улице прочь. Труженики космоса слегка ошарашено проводили кавалерию взглядом.

* * *

... Метро под вечер было почти пустым, и бесконечные эскалаторы с угрожающим поскрипыванием тайных механизмов отвезли нашу троицу в многоярусное подземное царство.

Станция представляла собой низкий, длинный и тускло освещенный зал. Из глубоких ниш в колоннах подслеповато выглядывали мраморные статуи. Из туннеля веяло таинственным холодком с примесью густых технических запахов. Глазастый поезд выскочил из тьмы, как стальной дракон из пещеры, и с лязгом остановился. В вагоне было светло, он был пуст, лишь один лысый мужчина с капельками пота на голове сидел в углу и читал книгу из серии «Кровавая классика». Он тревожно покосился на вошедших, бросил беспомощный взгляд на захлопнувшуюся дверь и в отчаянии снова уставился в том.

Даня уложил ковер с телом на выпуклое сиденье, а сам, чтобы не клевать носом, остался стоять. Поезд тронулся. Сверток тут же упал и наполовину размотался, но Ванечка помог Дане снова скатать и забросить его на место. Машенька села на краешек скамьи и подперла ковер спиной. Даниил разогнулся, схватил одно из болтающихся резиновых колец, облегченно вздохнул и рукавом свободной руки утер лоб. Это было одно из тех мгновений, когда от усталости голова уже не думает, а лишь с какой-то дремотной нежностью фиксирует в грохоте вагона знакомые образы и чувства. За окном призрачно отражается салон... За отражениями во тьме проносится стена... Изредка мелькают огни... Вновь мчится строй бешеных кабельных змей...

Прямо из метро, эскалаторами, переходами и лифтами они проникли в жилой район, громоздящийся единым подземно-надземным блоком. Часть этого здания именовалась «академическим общежитием», здесь были огромные, порой коммунальные, квартиры, и тут же сдавались дешевые номера с облупившейся штукатуркой и высоченными потолками. В одном из потертых крыльев этого здания как раз и жил доктор Аркадий Эммануилович Блюмкин.

– Вы куда это так смело направились, молодые люди? – окликнула гостей консьержка, привставая из-за бюро.

– Мы, простите, к доктору Блюмкину. – Держа на плече завернутую Русалочку и поставив чемодан, важно поправил очки Даниил.

– К какому такому Блюмкину? – недоверчиво переспросила старуха, словно слышала эту фамилию впервые. Притом что служила она здесь столько, сколько Даня себя помнил.

– Который детский логопед.

– А, к педофилу, – кивнула та, как бы говоря: «Так я и знала».

– Что это вы такое го-го-говорите? – завокнулся Даня. – Доктор Блюмкин – замечательный честный врач...

– Да? Ну, идите-идите. Только я про него слыхала, будто бы он маленьких заик растлевает.

– Враки это все, – промямлил Даня, – а ва-вам стыдно должно быть... – и друзья, взяв чемоданы, пошли по гулкой парадной лестнице вверх. Потом они свернули с одной ковровой дорожки на другую – в длинный ярко освещенный коридор. В темном закутке с кафель-

ным полом и деревянными, измазанными известкой малярными козлами они нашли массивную, казенного типа, двустворчатую белую дверь, украшенную позолоченной табличкой:

Частная логопедическая клиника доктора Блюмкина.

Когда раздался звонок, доктор, склонившись над старой чугунной ванной с ножками в виде львиных лап, вручную шоркал белый халат, что-то напевая себе под нос. Он был в сером фартуке, рукава его были засучены, голова повязана платочком, а на носу сидели похожие на пенсне очки с овальными линзами. Звонок он услышал не сразу, а когда электрический треск все-таки добрался до его слуха, он так всполошился, что чуть не поскользнулся на мокром кафеле. Выскочив из ванной, он, семеня в скользких тапочках, помчался через заставленный старым хламом коридор.

– О! Друзья мои, проходите, проходите, пожалуйста, – суетливо встретил он гостей. – А я тут по дому занимаюсь. Вот, посмотрите на меня, весь уделался...

Компания молча, но шумно ввалилась в квартиру и сходу углубилась в гостиную. Там друзья сложили вещи в угол и рухнули на старый диван, чтобы впервые после космоса передохнуть. В квартире пахло книжной сыростью и клопами.

Доктор сделал чай и предложил переползти в столовую, но молодежь настояла на том, чтобы заказать пиццу и поужинать на ковре у камина, а затем космонавты по очереди сходили в ванную побрить «гречневые жопы»¹.

¹ Имеется в виду в виду феномен, по слухам впервые описанный летчиком-космонавтом Гречко. У людей, долго находящихся в невесомости, не нарушаются волосяные луковицы на седалище, и оно зарастает густыми кудрявыми волосами, сильно мешающими по возвращении на Землю (*прим. авт.*)

2

*Не вино опьяняет человека, человек
пьянеет сам. Не красота одурманивает
человека, человек сам теряет голову.*

Китайская пословица

– Итак, рассказывайте, наконец, что у вас там стряслось, – бодро предложил доктор гостям, молча уплетающим пиццу. Распахнутые белые коробки из-под нее валялись на полу. Дрожали каминные блики, и дымился, стоя на паркете, пузатый самовар, обдавая паром фарфоровый чайничек.

В мерцающем полумраке докторская квартира казалась мусорщикам аристократически богатой и уютной, а благодаря скользящим по мебели и черному роялю отблескам, тускло светящемуся в углу аквариуму и тропическим растениям, зал производил впечатление сонно колышущегося морского дна.

Ощущение покоя и уюта подкреплялось тихой музыкой и глинтвейном, приготовленным хозяином в микроволновке по собственному фирменному рецепту. Напиток обжигал горло, приторно ударял в нос и теплом расплзался по всему телу. Тут же на полу, похрюкивая от удовольствия, лежал бульдог Пиночет, а рядом облизывался кот Отец Виктор.

Рассказывая о своей печали даже такому близкому и закадычному другу, как доктор Блюмкин, Даня все равно заикался и пыхтел. Особенно трудно ему было признаться своему, как он считал, не только логопеду, но и духовному наставнику, в том, что он посещал гадалку.

– Да они же все ведьмы! – скорее изумленно, чем раздраженно воскликнул доктор, на миг оторвав взгляд от огня. Даня повесил голову и закончил:

– Когда же она сказала мне, что иного выхода нет, я обратился к орбитальному батюшке. Но тот повенчать нас отказался наотрез. Что же мне теперь делать, док?

Блюмкин вздохнул и продолжал молча смотреть в камин. Вдруг Даня, как с ним это уже бывало и раньше, ощутил резкий приступ любви к Русалочке. Он представил себе, каково это ей сейчас – стоять завернутой в прислоненный к стене палас, и ему страсть как захотелось уложить свою нетленную возлюбленную в мягкую чистую постель и укрыть пуховым одеялом. От Блюмкина же, похоже, толку ждать не приходилось...

– Ну что ж. Спаси вас, конечно, Господи. Благодарим, так сказать, за теплый прием. Пора нам и честь знать, – с несвойственной ему холодностью объявил Даниил и обратился к спутникам: – Идемте, друзья, в номера, пока не рассвело, а то ни то ни се получится.

Ванечка с Машенькой растерянно смотрели то на хозяина квартиры, то на Даню. Уходить им, естественно, никуда не хотелось, а места, чтобы переночевать, тут явно было достаточно. Доктор заметно сконфузился и засопел.

– Ну что вы, Даниил, меня обижаете? – наконец вымолвил он басом. – Какие могут быть номера? У меня и диванчик имеется, и раскладушка, и канапе ...

После недолгих прений Даня согласился остаться, но с тем лишь условием, что для Русалочки будет отведена вся докторская спальня.

– Ну, что ж, давайте посмотрим на вашу красавицу, – сказал тот, вставая и протирая очки.

Даня с трудом поднял сверток с любимой и не в первый уже раз отметил про себя, что в невесомости им было попроще. Ванечка помог ему. На застеленной нежным батистом кровати Русалочка совсем не походила на труп. Казалось, она просто утомилась и, не досидав со всеми до конца вечера, уснула у камина. Легкие волосы ее раскинулись по подушке,

глаза были закрыты, брови удивленно приподняты, а губы слегка разомкнуты. Даже грубый пролетарий Ванечка смотрел на нее с грустным умилением.

Подошел доктор и, придерживая очки, тоже склонился над ней. Он смотрел так долго и так внимательно, что Даниил даже почему-то забеспокоился.

– Что-то не так? – спросил он, заглянув в хмурое лицо логопеда.

– Что за чертовщина!.. – сказал доктор, выпрямился, снова нагнулся и выпрямился опять. – Этого просто не может быть...

Неясное волнение Даниила вдруг переросло в тревожное, терзающее предчувствие.

– Док, в чем дело?! Скажите ж наконец!

– Ничего не понимаю, – сказал тот, рухнул в кресло, снял очки и зажмурился, прикрыв глаза рукой. – Постойте-постойте, но как же это?.. – забормотал он, как бы сам с собой. – Такое совпадение... За последние полвека в космосе были захоронены тысячи, сотни тысяч людей...

– Стоп! – осадил его Даня. – Вы хотите сказать, что вы были когда-то знакомы с ней?

– Нет-нет! Этого я не говорил, – выпучив глаза, отрицательно помотал головой доктор. – Я... Я... Просто хочу сказать, что эта девушка очень похожа, на одну особу... На одну... В общем, на девушку, которая разрушила всю мою жизнь.

– Вы были в нее влюблены? – с любопытством спросила Машенька.

– Да, нет... – с нарочитым безразличием откликнулся доктор, пожав плечами. – Вовсе нет, – добавил он, словно внушая это себе, потом вдруг замолчал и тревожно уставился в пустоту перед собой.

Даня присел на край кровати рядом с Русалочкой, а Маша с Ванечкой остались стоять в стороне, наблюдая за этой непонятной сценой. Тишина висела несколько минут. Наконец, тяжело вздохнув, Блюмкин потряс головой и, беспомощно улыбаясь, окинул гостей взглядом.

– Случилось это давным-давно, – так начал свой долгий рассказ бывший батюшка о делах дремучего прошлого. – Добрых тридцать лет назад...

* * *

Служил я тогда младшим священником Никольского собора в Кривом Роге. Было это, как сейчас помню, на Николин день – престольный праздник нашего храма. Подошла ко мне после Божественной литургии некая благочестивая женщина и, уединившись со мною в темном углу богородичного предела, попросила изгнать из ее дочери беса. Я, естественно, удивился и поинтересовался, каким образом тот себя проявляет. Женщина пояснила, что застала свою отроковицу-дочь за подмешиванием в пирог менструальной крови. Пирогом этим она собиралась угостить какого-то своего друга, с целью приворожить того. Отнесясь к словам женщины со всею серьезностью, я попросил ее подождать у дверей храма пока я разоблачусь.

В алтаре я посоветовался с моим товарищем – благочестивым дьяконом Виктором Богдеско. Проявив интерес к этому весьма неординарному случаю, тот вызвался поискать прецеденты в литературе, и оказалось, что подмешивание в пищу крови или соскреба с ногтя является одним из самых изощренных и древнейших способов черной магии. Отложив все дела, отец Виктор вызвался составить мне компанию, и мы отправились к той благочестивой женщине домой, дабы на месте разобраться, действительно ли есть необходимость в экзарцизме.

Мы не собирались изгонять беса сами, мы лишь намеревались проверить, нужно ли вести девушку к специалисту по этому вопросу – святому старцу Зосиму. Потому с собой

у нас были только требник, ладан, кадило, пол литра святой воды да газовый пистолет с освященным фосфором – от демонов.

Путь оказался неблизким. Около трех часов везла нас женщина на своем маленьком старом автомобиле «запорожец», и лишь к обеду мы, наконец, въехали в поселок городского типа Задойный с градообразующей шахтой Братская. Как это часто случалось в те дни, производство в этом городишке давно бездействовало, все работоспособное население его покинуло, и на улицах можно было встретить только унылых стариков да невероятно грязных детей из сплошь неблагополучных семей.

Я спросил, есть ли в поселке приход. Женщина ответила, что нет, иначе она не ездила бы в наш храм. Тут же она рассказала и историю своего обращения. Однажды в их городке поселился некий иеромонах Феодосий со своим послушником. Неизвестного возраста и происхождения старец служил в Задойном около двух лет. Народ его не любил и рассказывал про него разные сплетни – мол, старик сожительствует с послушником и насылает порчу на шахту, чтобы та не работала.

Как оказалось, инок и впрямь был существом падшим. Проповедуя с крыльца местного магазина, он завлекал в церковь женщин, затем спаивал их, овладевал ими, а затем и обирал. Призвавшая нас прихожанка и сама подпала в те времена под его обольщение и вскоре оказалась от похотливого старика беременной. Осознав тогда злобредность такого послушания, женщина отправилась в епархиальное управление и пожаловалась епископу. Местный владыка объявил ей, что никакого Феодосия он с роду не знает, и что тот – самозванец. Прихожанка потребовала у епископа принять меры, на что тот обещал ей горячо помолиться и снабдил ее разоблачительным письмом к жителям Задойного.

Через две недели Феодосия подняли со дна шахты с явными следами насильственной смерти, поджаренными пятками и осиновым колом в зад. Как установило следствие, раскаявшись во всем содеянном, Феодосий свел счеты с жизнью. Сама же она с тех пор вела образ жизни праведный, целиком и полностью посвятив себя воспитанию дочери.

... Находившийся среди мрачных и чахлых равнин поселок впечатление производил тяжелое. На всем здесь был красноватого цвета ржавый налет, лужи очерчивались бледной пенистой каймой, а жухлые придорожные пучки травы были цвета выцветшего хаки. Раритетный автомобиль мы покинули на совсем уже безнадежной окраине городка, в мире высоких мусорных куч и глубоких канав, червивых огородиков и гнилых сараев, тянущихся против ветхих панельных халуп.

Там женщина проводила нас в свою на удивление чистенькую, хоть и бесхитростную квартиру. Вооружившись кадилом, кропилом и непрерывной молитвой, мы стали подниматься на четвертый этаж. Плюс к тому дьякон держал в кармане руку с заряженным святым фосфором пистолетом.

Дальний путь среди серых, подобных саванне, равнин в просевшем скрежещущем «запорожце» изрядно утомил нас, мы проголодались и, признаться, давно уже стали про себя молиться об отдыхе и еде. С пением тропаря войдя в квартиру, мы с радостью убедились, что молитвы наши услышаны, и дочери хозяйки нет дома. Работа отодвинулась, мы окропили жилище святой водой, хозяйка проводила нас на кухню и стала угощать. Выпив для аппетита по пятьдесят грамм, мы принялись за предложенный нам обед. Уплетая, что называется, за обе щеки, мы слушали хозяйку и поражались ее познаниям в области демонологии.

«И как давно, женщина, ты заметила за своей дочерью бесовские повадки?» – спросил я у нее.

«Началось это, когда она была еще ребенком, – отозвалась та. – Каждое полнолуние Люба покидала кровать свою и под воздействием Князя Тьмы с закрытыми глазами двигалась к шахте. Причем, по свидетельству девяностолетней бабки Налимиhi, не по земле, а по воздуху. В одной сорочке плыла она невысоко над дорогой в сторону магниевого комбината,

и подобные странности, – делилась с нами женщина наболевшим, – случались с ней регулярно. А восьми лет отроду Любовь начала колдовским образом привораживать мужиков, – продолжала она. – Так, однажды школьный учитель труда Митрофанов задавил в тисках школьного сторожа Васильева, за то, что девочка любила на том кататься...»

«И впрямь ведьма!» – вырвалось у жующего отца Виктора. В этот момент хлопнула дверь, и послышались легкие шаги. «Мама, это я!» – раздался из прихожей девичий голос, и я услышал, как в кармане подрясника отца Виктора щелкнул взводимый курок. И тут появилась она. Бледная как Люцифер и прекрасная, как Ангел Света.

«Здравствуйте», – сказала несколько смущенная ведьма. Мы молча, не вставая из-за стола, наблюдали за ней.

«Садись, Любаша, – строго сказала мать. – Отцы приехали специально ради тебя из Кривого Рога. Это батюшка Аркадий, – представила она меня, – а вот – отец-диакон Виктор».

«Очень приятно», – только и сказала отроковица. Потом она молча присела напротив нас. Долгое время продолжалось неловкое молчание, и мы решили продолжить трапезу. Внезапно от пристального взгляда сей бледнолицой девы я ощутил в голове некое помутнение.

«Как вам мой пирог?» – лукаво улыбаясь, поинтересовалась та у отца Виктора, поедающего сдобное угощение.

«Твой?!!» – прохрипел отец Виктор испуганно. Занервничал и я, вспомнив о ее колдовском рецепте. В тот же миг раздался выстрел, и под столом рассыпались искры. Это коллега мой дьякон Богдеско, разволновавшись, нажал нечаянно в своем кармане на спуск. Отчаянно взыв, он с горящим подолом подрясника выскочил из-за стола, а хозяйка, схватив с печи сковороду, принялась обивать его, пытаясь потушить сие зеленое пламя. Но не так-то это просто – потушить зажженный фосфор.

* * *

... Тут, погрузившийся в воспоминания Блюмкин надолго замолчал, а напряженные гости ждали, когда он продолжит.

– Мракобесие какое-то, – сказала дрожащим голосом Машенька, по спине которой от нагнетенного доктором страху бегали большие мурашки. – Словно все это не в наш, не в просвещенный космический век происходит...

В полумраке спальни она жалась к Ванечке, но тому и самому было довольно не по себе. Он с опаской косился на лежащую в постели покойницу, понимая, что она и есть виновница тех давних и, очевидно, очень скверных событий.

– На свете есть еще немало уголков, не тронутых прогрессом, – отозвался доктор. – Церковь же наша архаична из принципа. Ну, а темные силы, они вечны и неизменны...

– Что же было дальше, Аркадий Эммануилович? – вновь пискнула Маша.

– Дальше? – переспросил Блюмкин медленно, словно разговаривая сам с собой. – Дальше...

– Да! Потушили ли вы отца Виктора?

– Потушили, – все так же приглушенно произнес доктор, кивая головой. Затем вздрогнул, дико огляделся и продолжил рассказ.

3

*Оставишь ниточку чувства,
потом легко будет встретиться.
Китайская пословица*

Убедившись в реальной необходимости изгнания беса, мы вместе с отроковицей отправились обратно в Никольский собор. Пока ее мать везла нас туда на «запорожце», та вела себя тихо и скромно. Получив благословение владыки, мы отправили женщину домой, а сами, втроем уже, выехали на епархиальной белой «волге» в направлении Свято-Зачатьевского монастыря, чтобы представить ее дочь лучшему экзорцисту призрачной страны Приднестровье.

Теперь пятнадцатилетняя ведьма стала другой. Мы с отцом Виктором вели машину по очереди, она же, так и сяк вертясь и разваливаясь за нашими спинами на обширном пассажирском сидении, притягивала наши взгляды через зеркало заднего вида. То ли прямо сейчас напускала она на нас свои чары, то ли действовал надкушенный пирог, но мы непрерывно отвлекались от дороги, то и дело рискуя попасть в аварию. Уразумев сие, дабы противостоять воздействию дьявольского наваждения, всю дорогу мы исступленно пели тропари и акафисты святым угодникам.

Но не дремали и вражьи силы на заднем сиденье. Плотный туман стелился по дороге, и ехать зачастую приходилось практически наугад. Несколько раз я чуть не заснул за рулем, а очнувшись, я всякий раз встречал в зеркале насмешливый лукавый взгляд Любы.

На второй день пути мы проехали молдаванский город Оргеев и углубились в буковые леса. Вскоре дорога запетляла, стала нырять в низины, взмывать на холмы, и за окнами автомобиля поползли туманные очертания лесистых гор. Тут-то мы и поняли, что добрались, наконец, до края упырей и преподобных угодников.

Мы проезжали через селения с огромными житницами, крытыми соломой хатами и покосившимися деревянными храмами. Всю дорогу застывшими взглядами нас провожали местные жители и утомленный сельской жизнью крупнорогатый скот. Стоило нам выехать из такой деревни, как тут же в тумане по обе стороны дороги крестами свешивались к нам с пригорков мшистые сыроватые кладбища, уходящие другой стороной в затянутые ряской болота. Среди кукурузных полей лишь изредка мелькал крестьянин со злым недоверчивым взглядом и вилами на плече. А стезя уводила нашу «волгу» все глубже и глубже в дебри Зачатьевской пустоши, где в тесных кельях, просветлившись, бичуют себя скованные веригами благочестивые иноки.

Дьякон только в последний момент успел ударить по тормозам, когда в ночной мгле перед нами неожиданно открылся безбрежный Днестр. Радиатор нашего автомобиля окунулся в воду, и речная волна ударила в ветровое стекло. Когда она откатилась, мы увидели, что от капота клубится пар, и влага на нем бурлит и пузырится. Двигатель заглох навечно, но мы, хоть и сокрушались о том, что нам придется отвечать перед владыкой за потерю машины, конечно же прославили Господа, что не дал он и нам вместе с ней сгинуть в молдавской пучине.

То ли услышав всплеск воды, то ли наши молитвы, вскоре из стелящегося по реке тумана выплыл к нам держащий фонарь лодочник на утлом челне. Старик, царство ему небесное, стал причаливать к нам, и когда киль стукнулся об епархиальную машину, мы перенесли упрямышую отроковицу в судно, даже не ступив на приднестровскую землю.

Вода была спокойной-спокойной, а перевозчик стоял мрачный, словно бы давно уже не живой. Он греб одним единственным крупным веслом, степенно перебрасывая его с одного борта на другой, и томным басом тянул беспросветную песнь молдавских лодочников.

Трудно сказать, сколько мы плыли, но в какой-то момент оба берега исчезли, и вокруг нас лишь медленно проползала белесая мгла. Из рта валил пар, и над рекой было довольно холодно. После теплой машины мы продрогли и мечтали поскорее попасть в невидимую обитель на том берегу. Продрогший сам, отец Виктор сжалился над дрожащей от мороси и демонов отроковицей, снял и набросил ей на плечи свою шинель.

И вот мы всплыли в тихую заводь и приблизились к монастырской стене. Какое-то время лодочник стоял, как вкопанный, и мы бесшумно покачивались в челне возле кирпичной кладки с отсыревшей и местами облупившейся штукатуркой. Наконец мы догадались, что от нас ожидают пароля и бодро пропели: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, поми-илуй нас!» А со стены братья ответили: «Аминь!» – как и полагается, на той же ноте.

Стали мы ждать дальше, но ничего не происходило. Нам становилось все холоднее, и уже давал знать о себе голод. «Отцы и братья! – крикнул я. – Прибыли мы к вам с Божией помощью из богоспасаемого града Кривой Рог для упразднения силы дьявольской!» «Аминь!» – вновь пропели сверху иноки всё на той же ноте. Чего им от нас еще надобно?! Тут я и говорю дьякону: «Слушай, отец Виктор, ты ж здесь бывал уже. Как же ты прошлые разы проходил к Зосиме?» А он стоит и смотрит на меня, будто сам не свой. Тут-то я и понял, что он под чарами. По-иерейски перекрестил я его и говорю снова: «Как пройти к Зосиме?!» Он очнулся, посмотрел на меня, как на идиота, и говорит: «Надо позвонить ему на мобильный!»

Только мы набрали номер, только сообщили о себе, как иноки нам тут же веревочную лестницу и сбросили. И была бы нам в том радость великая, если б не досадный случай: не успев до конца развернуться, лестница попала в голову лодочнику, и тот молча свалился в воду, обретя в пучине сей вечный покой. Но что тут поделать? На все воля Божья.

Перво-наперво пошли мы благословиться к наместнику обители игумену Иннокентию. Он в это время наблюдал, как послушники по его наставлению рыли голыми руками в глинистой почве какую-то канаву. Подходим мы к нему с благоговейным трепетом, кланяемся и говорим: «Здравствуйте, батюшка! Поклон вам от владыки Криворожского. Вот отроковицу к вам привезли одержимую».

Он отвлекся от трудов, посмотрел внимательно и говорит: «Так-так. И сколько за нее просите?»

Мы, глупые молодые попы, смутились, не поняли, что владыка юродствует и говорим: «Да, что вы, ваше преподобие, так берите. Только она, знаете ли, это... С бесами».

Он нахмурился: «С бесами? – говорит. – Нет, ребята, мне это противопоказано. Я от таких еще в миру устал».

«Так что ж нам с ней делать-то?» – спрашиваем мы растерянно. А он: «С бесами – к старцу Зосиме. Он таких во множестве принимает». Отвернулся от нас, мол, разговор окончен, и скомандовал послушникам: «Зарывайте!»

Тут лишь мы уразумели, что владыка шутит и пошли к указанному Зосиме. Тот нас принял радостно, все сразу же постиг, осмотрел отроковицу и сказал, что сей род изгоняется единственно честным распятием, и нет дела проще. Мы обрадовались, покушали в трапезной и в кельях для паломников спать завалились.

Но вот просыпаюсь я ночью от воя волчьего. Ну, думаю, и глушь. Даже вокруг монастыря хищники колобродят. Пытаюсь уснуть дальше, но вой тот прямо в душу мне забирается и холодящим страхом по нутру расползается. Вслушиваюсь я, а голоса-то вроде как человечесьи. Или не человечесьи? Сам-то вой волчий, а вот надрыв мучительный в конце – хриплый, как у чахоточного – совсем не звериный.

Лежу я так и думаю: «Надо когти рвать из этой Трансильвании. Мы свое дело сделали, теперь пусть сами с ведьмой возятся». Еще чуть-чуть полежал, послушал... Всё жутче и жутче. Каюк, думаю, надо дьякона будить, да с рассветом драпать. Можно, конечно, и одному, но боязно. Вылезаю я из-под овчины, одеваю подрясник, в руках Крест с Евангелием, иду к его кровати... А его там и нет. «Что ж я теперь в Кривом Роге скажу? – думаю. – Вурдалаки, мол, из кельи утащили вашего дьякона, сам еле ноги унес...» А унес ли? Неизвестно еще... Жаль мне стало, что я домкрат из машины не захватил или монтировку. Как ни крути, а поувесистей распятия будет.

Вышел я из кельи и по винтовой лестнице двинулся наверх. Не то что бы знаю куда идти, просто подальше от подвалов хочется. Так и до чердака добрался. Кругом на балках летучие мыши висят, бледная луна сквозь щели просвечивает. Радости и успокоения, одним словом, мало. Я уже и корю себя: «Куда поперся? Упырей кормить? Лежал бы себе до рассвета и лежал. Нет, надо было Богдеско пойти искать. А мало ли, может, дьякон по нужде отошел?..»

Думаю так да кругом оборачиваюсь... И тут вдруг вижу: совокупаются!!! Прямо на соломе, под балками. Дьякон наш в качестве лошади, а она – отроковица наша бесовская – на нем, как наездница. Голая совсем и, что ни говори, в лунном свете до сердечного спазма прекрасная.

«Слава Тебе Господи! – вздохнул я с облегчением. – Жив отец Виктор. А что совокупаются, так это дело их совести». И пошел обратно. А про то, что наперсник мой под ведьминские чары подпал окончательно, тогда я и не подумал вовсе. Вернулся в келью, заперся покрепче и уснул. Всю ночь, помню, тогда в грешных снах промаялся.

Просыпаюсь, а дьякон Виктор со старцем Зосимой стоят неподалеку и молча на меня смотрят. Причем смотрят-то с ужасом. Я сел на кровать и понять не могу, чего они на меня так уставились. Говорю, что в голову первым пришло: «Ну, отцы, с отроковицей-то делать что-то надобно. Не век же ей одержимой ходить?»

«Надобно-надобно, – кивают они и все так же смотрят на меня. – Вы только, отец Аркадий, за гвоздями съездите, и будем изгонять беса». «За какими гвоздями?» – удивился я. А они мне: «За обыкновенными, трехгранными». Я еще раз внимательно посмотрел на них, пожал плечами и спрашиваю: «А куда за ними ехать-то?» «В магазин, – говорят. – Здесь недалеко, в ближайшем поселке, что выше по реке».

Ну, я, конечно, один не согласился ехать. Мало ли чего тут и днем приключиться может. Карпаты все-таки. Поехали мы вместе с дьяконом. Дали нам монастырский велосипед двухместный, «тандем» называется, на нем после обедни мы и отправились вдоль берега.

Педали крутим и молчим. Молчим и крутим. Наконец я не выдержал и спрашиваю: «Куда это вы, отец, ночью пропадали?» А он мне: «Вас искал, батюшка». Я удивился, конечно, но, думаю, лукавит гад, и продолжаю: «А чего меня искать? Я-то по ночам где попало не шастаю. Сплю себе». Тут он как-то дернулся резко, да как зашипит: «Знаю-знаю, с кем это вы спите!»

Тут я по тормозам ударил, соскочил с тандема и говорю: «Это я-то с кем?! Да не ты ли сам, кобель, девку всю ночь охаживал?!» Тут он ка-ак даст мне в челюсть. Но я не растерялся, схватил насос от велика, да и отдубасил им дьякона как следует. Ничего-ничего, думаю, пусть надолго запомнит, как такими делами, да в святой обители заниматься...

А через полчаса сидели мы с ним на берегу Днестра и оба горько плакали. Ведь оба мы, оба от ревности друг на друга накнулись!..

«Как же так, отец, – причитал Богдеско, – я ж своими глазами видел, как вы ее этого самого...»

«Нет. Это я тебя, отец-дьякон, я тебя с ней видывал. Вот ведьма какая дюжая попалась. Всю голову тебе, Витя, заморочила».

«А может, все-таки вам, отче?»

«Опять нарываешься?» – спрашиваю и насос гнутый поглаживаю.

«Да нет, батюшка, что ты... – отвечает. – Просто у меня-то и свидетели имеются. Вы говорите, что меня один видели. А я на ваши поиски всю братию поднял. Обнаружили мы вас, дождались, когда вы оба уснете, набросили на нее игуменскую мантию, в подвал снесли и заперли».

Тут уж я забеспокоился. Ведь действительно, выходит, скорее она меня одного, беднягу, околдовала, чем всю братию.

Купили мы в поселке гвозди, на сдачу по гвоздодеру прихватили и вернулись к обители.

Час изгнания был назначен на вечер, так, чтобы все успели прочесть молитвы на ограждение от злых духов. Помолившись напоследок, мы, как полагается, крестным ходом двинулись на борьбу с дьяволом. Первым шел послушник с распятием, далее двое с фонарями на высоких шестах, после двое с хоругвями, потом дьяконы, затем, в два ряда, мы, батюшки, и, наконец, за нами вся братия и благочестивые сельчане. Пели «Кресту Твоему поклоняемся» и двигались довольно медленно.

Вдруг я увидел, что несколько послушников, вооружившись непрестанной молитвою, несут на шестах, словно царский паланкин, клеть с нагою и растрепанной нашей ведьмой. Девушка металась по клетке, как дикий зверь пойманный, огрызалась и требовала, что бы мы, то есть конкретно я и дьякон Богдеско, ее выручали. Мы смущенно отводили глаза и делали вид, что не слышим ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.